

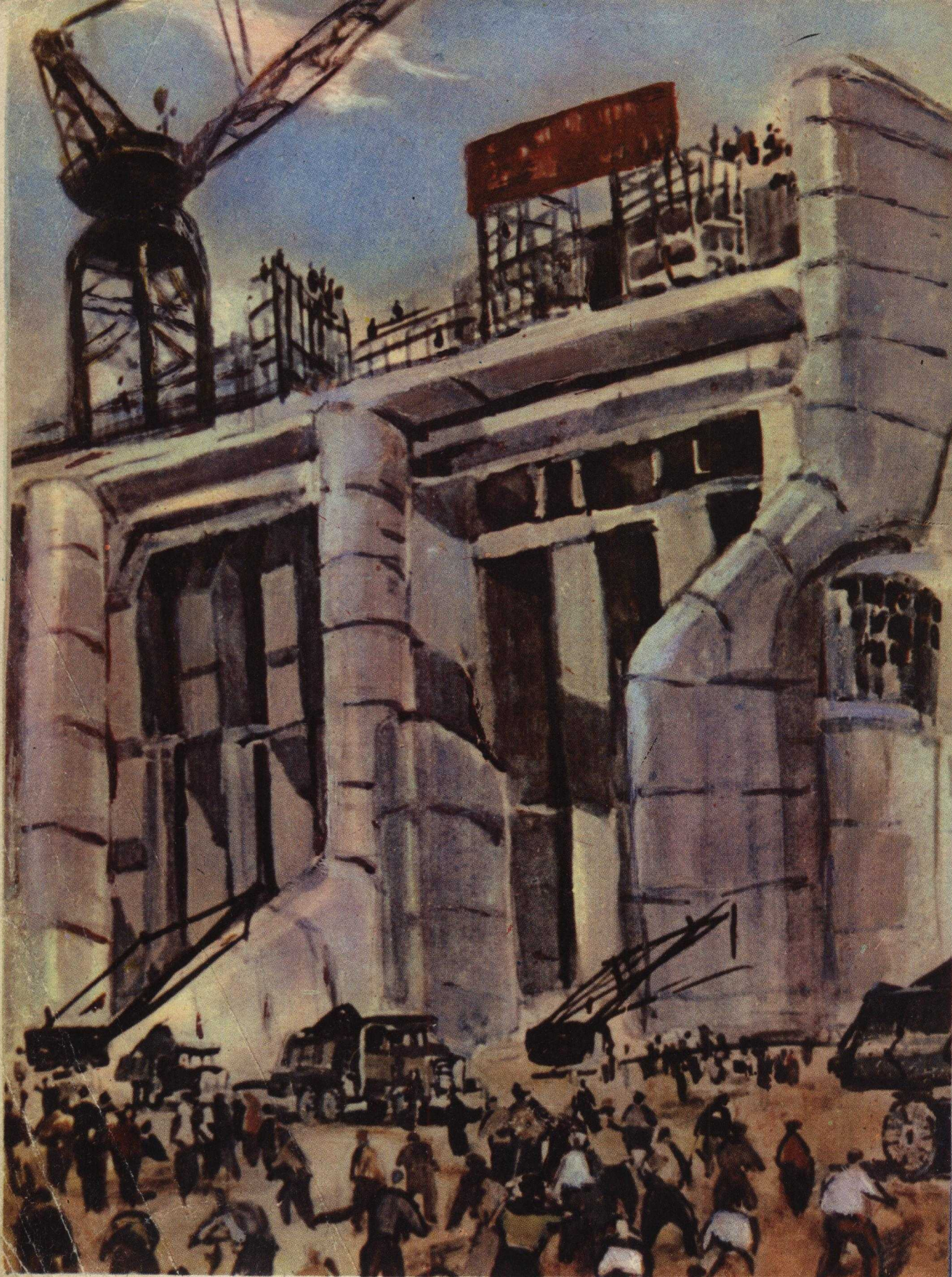
Костёр

10

ОКТЯБРЬ

1961





СТРОЙКА

Володя Ульяновский, 7 кл.

Костёр

10
ОКТАБРЬ
1961

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза Советских писателей



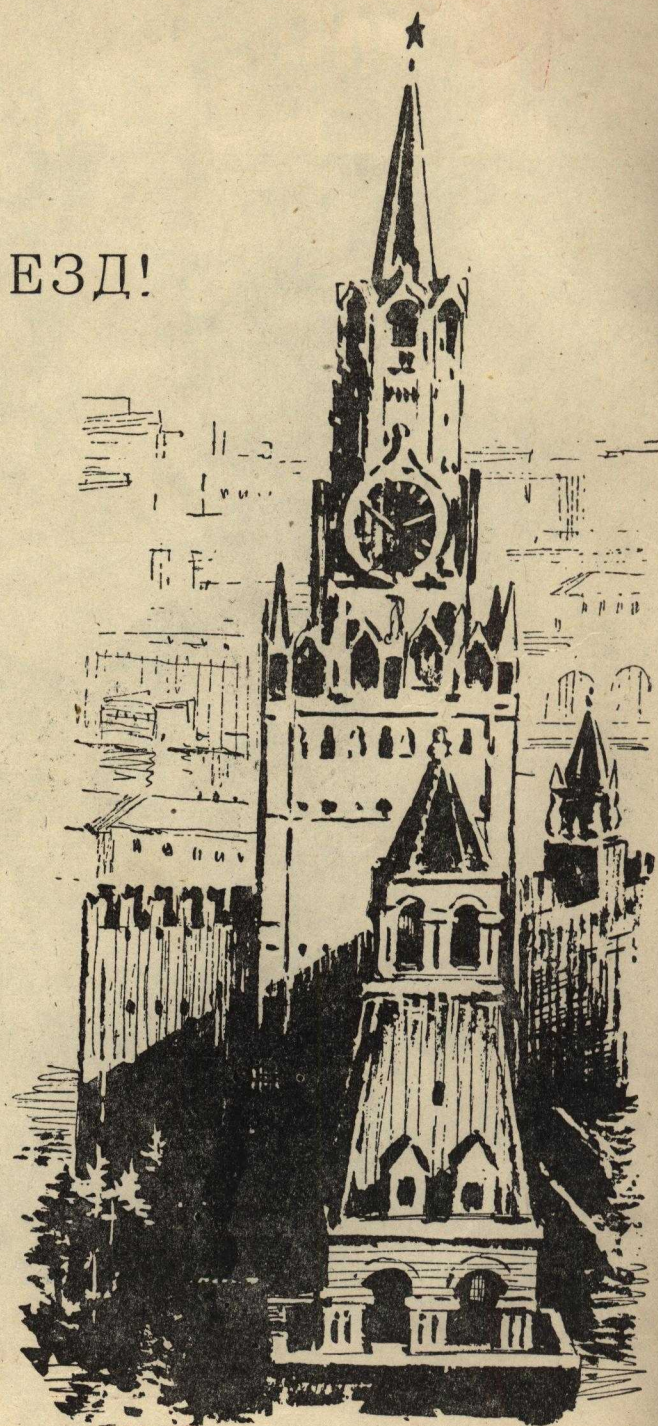
*Пионерский салют
XXII съезду
Коммунистической партии
Советского Союза!*

ЗДРАВСТВУЙ, СЪЕЗД!

Александр Прокофьев

Здравствуй, Съезд, —
Миллионов надежда и знамя!
Здравствуй, Съезд
Прославляющих Землю делами,
Закаленных борьбою
И доблестью Партии нашей,
Окрыленных любовью ее
И геройским бесстрашьем!

Здравствуй, Съезд, —
Свет и гордость и честь поколений!
Здравствуй, Съезд,
На котором присутствует Ленин!
Величавое дело его
Навеки бессмертно
И живет в наших душах,
В нашей силе несметной!



НА ПУТИ К СЧАСТЬЮ

Лев Кассиль

В ЧЕМ ОНО ?

Много я слышал разных споров о счастье. Одни говорили: «Сила, здоровье — в них все счастье».

Другие не соглашались: «Богато жить, все иметь — вот что такое счастье!»

Третьи спорили: «Счастье — это слава: чтобы все тебя знали!»

«Дело свое в жизни хорошо знать — значит, счастливым быть!» — утверждали многие.

А иные добавляли: «Главное для счастья — это чистая совесть, чтобы людям в глаза не стыдно было смотреть».

И еще немало всяких рассуждений о счастье приходилось мне слышать. Не слышал я только, чтобы кто-нибудь говорил: «Не желаю я счастья. Не хочу хорошей жизни! Хочу быть несчастным».

Не встречались мне такие чудaki...

Все люди хотят быть счастливыми.

Но как понимать счастье? В чем оно?

Много раз в школах, в домах пионеров, в летних лагерях у трескучего костра доводилось мне говорить с ребятами о счастье, слушать их споры, кое с чем соглашаться, а кое-что и оспаривать. Немало писем с вопросами о том, как понимать и как добывать счастье, получаю я от ребят. Во время весенних каникул я гостил у ленинградских школьников. И с ними у меня тоже был большой разговор о том, что такое счастье. А вот лежит передо мной письмо, которое пришло из Белоруссии. Написал его один школьник. Его зовут Виталий Колядич.

«Прошу Вашего совета, что надо делать, чтобы стать очень счастливым, и как разобраться, кто счастливый, а кто нет?»

Да, нелегкое дело ответить сразу на такое письмо.

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ !

Вот, говорили некоторые, счастье — это богатство, деньги. Но ведь настоящего счастья, например, верной дружбы за деньги не купишь.

Конечно, очень важно быть здоровым, сильным, справляться с любым делом. Но вот как быть, если не может найти человек себе дело, не дают ему работы для его сильных, умелых рук? А ведь так происходит с миллионами людей в Соединенных Штатах Америки, во всех капиталистических странах.

Значит, не в одной силе счастье.

Ошибаются и те, которые считают, что все счастье в славе: будто счастлив тот, кого все знают.

Слава славе рознь. Добрая слава, действительно, радует человека. А от худой славы он не знает, как отделаться.

Слава о плохих делах тащится за ним везде по пятам, позорит его, попрекает. Какая уж тут радость?!

Нет, значит, не всякая слава — счастье.

Человеку надо жить, работать и относиться к людям так, чтобы честно заслужить настоящую славу.

Находятся еще и такие, что верят в счастье случайное, слепое, которое достается без разбору тем, кому просто, как они говорят, везет в жизни. Но ведь это же неверное, короткое и непрочное счастье. Сегодня случайно удалось что-то человеку, но, если он вслепую набрел на удачу, завтра счастье может изменить ему...

Да, не на всякое счастье мы с вами, друзья, согласны!

Не годится нам счастье нечестное, жадное, слепое, бессовестное, одинокое. Ну, например, разве можно быть по-настоящему счастливым, если вокруг тебя другие несчастны?

Мы за счастье с честью!

СЧАСТЬЕ С ЧЕСТЬЮ

По-нашему, счастлив тот, кто ладит счастье не только для себя, а для всех.

Кто любит людей и кого они уважают и любят.

Кто чувствует, что у него хватает сил, знаний и умения, чтобы вместе со всеми людьми сделать жизнь лучше.

Радуетса жизни тот, кто знает и любит свое дело, смело думает о завтрашнем дне, не боится трудностей, чувствует себя нужным человеком среди других людей и отдает им все свои силы.

А разве вы не радуетесь, например, когда можете что-нибудь подарить отцу с матерью, дорогому вам учителю, товарищу или подруге, как-то помочь им?

Значит, счастье и в том, чтобы отдавать, помогать другим, делиться с ними радостью.

Конечно, чтобы отдавать другим, помогать людям, внести в их жизнь как можно больше радости, надо и самому быть таким человеком, которому есть, что отдать, чем помочь, чем поделиться. Но ведь для того человек и растет, учится, набирается знания, трудовой сноровки, работает, чтобы сообща со всеми добывать счастье...

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Люди тысячи лет искали дорогу к счастью. И только недавно поняли они, наконец, что мешает им быть счастливыми, каков путь к истинному счастью для всех.

Эту великую истину открыло человечеству мудрое учение Карла Маркса. Он первым доказал, что главная злая несправедливость старого мира в том, что хозяева-богачи держат в своей жадной власти трудовой

народ и заставляют его работать ради их наживы. Владимир Ильич Ленин развил, продолжил, обогатил учение Маркса.

В октябре 1917 года под руководством Ленина трудовой народ сместил старых хозяев и установил советский социалистический порядок жизни.

Наш народ первым на всем земном шаре стал жить по справедливым и разумным законам социализма. А теперь мы уверенно строим коммунистическую жизнь.

При коммунизме каждый будет давать в общую копилку счастья столько, сколько он может, и брать для себя столько, сколько ему потребуется.

Но, чтобы совершить переход от сегодняшней социалистической жизни к завтрашней — коммунистической, понадобятся большие усилия, общий дружный труд народа. «Подобно тому, — говорит Никита Сергеевич Хрущев, — как из капель состоит океан, из усилий миллионов советских людей состоит мощь Советского государства».

Вот о том, как построить общество будущего, и рассказывает новая программа Коммунистической партии Советского Союза.

Общество, которое не будет знать недостатка ни в чем.

Общество, где труд для каждого человека станет необходимостью и где каждому найдется любимое дело, работа по душе.

Общество, где все люди вместе, сообща будут управлять своим государством.

Общество, где человек человеку — друг, товарищ и брат.

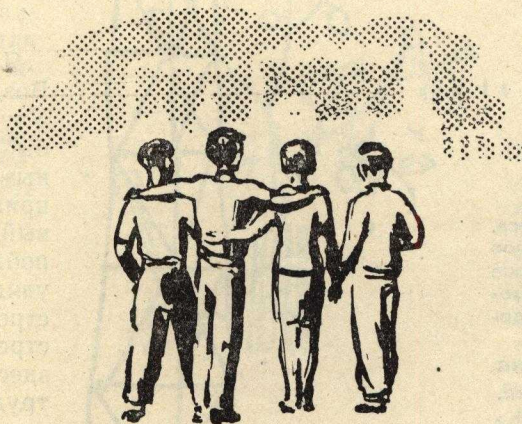
Общество, где все во имя человека, для блага человека.

Вот о каком замечательном будущем рассказывает программа партии. Вот почему мы называем ее программой Человеческого Счастья. Счастья не для одного, не для кучки избранных, а для всех людей, для всех, кто трудится.

Конечно, для счастья прежде всего нужен мир на земле. Какое уж может быть счастье, если кругом будет бушевать война! И программа говорит о том, как укрепить, как сделать прочным мир на земном шаре.

Об одном только нельзя забывать — коммунизм не придет сам собой. Его предстоит построить нам с вами. А строить своими руками, своим трудом общество, о котором веками мечтали лучшие люди земли, общество, в котором будут торжествовать Мир, Труд, Равенство и Свобода, — это ли не самое настоящее счастье?

Я думаю — самое настоящее.



Мы сами рассказываем о себе

Игорь Луценко живет в солнечном Ереване, а Галя Истомина за тысячи километров от него — среди забайкальских степей. Борис Кочетков — в Башкирии, а Аким Акимов в Дагестане. Но сегодня они собрались все вместе на этих страничках, чтобы рассказать о своей жизни, о своих мечтах, о своих делах.

Слово — читателям «Костра».

Моя биография небольшая: родилась на руднике, когда здесь еще не было домов, а стояли палатки. И вот сейчас я уже учусь в шестом классе, но и рудник растет. У нас построены две школы, большой красивый клуб, двух- и трехэтажные дома. Но это еще не все, главное, что наш рудник занимает первое место в районе по добыче руды. Все бригады рудника борются за звание Коммунистических бригад.

Оля Зубарева

Кемеровская область, рудник Шалым



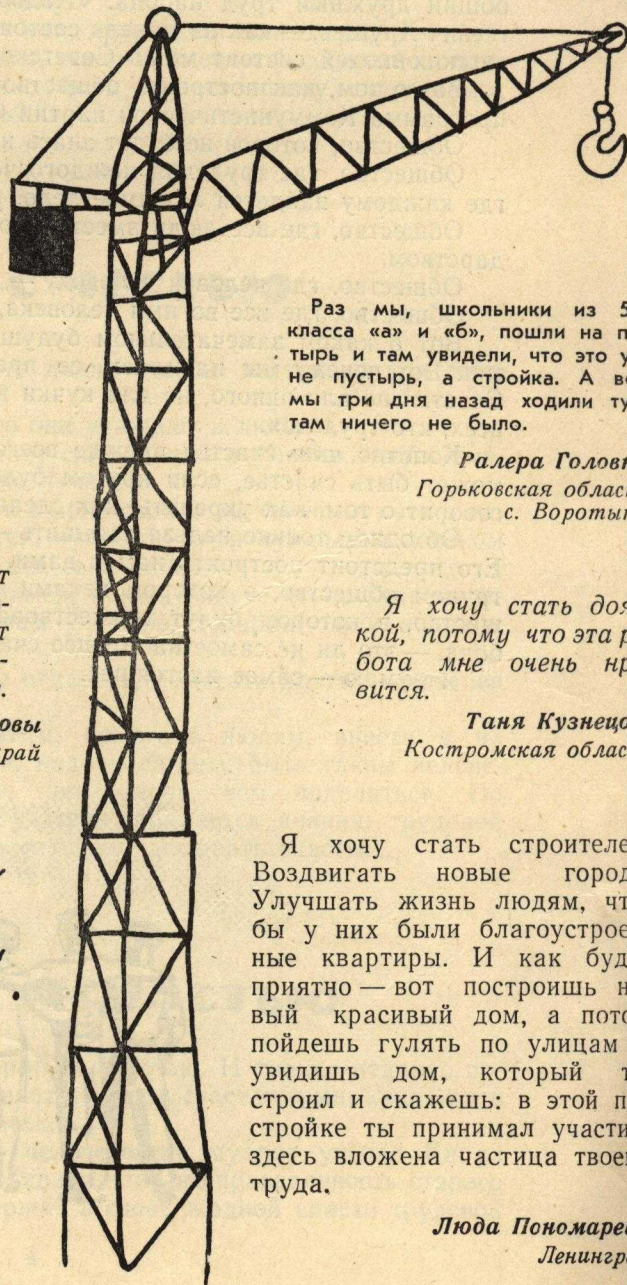
Сейчас у нас возят камень на новую школу, скоро ее будут строить. Мы тоже примем активное участие.

Вова и Сережа Пастуховы
Алтайский край

Сейчас наше отделение строится. Оно в совхозе самое лучшее: первое идет по надою молока. Мой папа бригадир дойного гурта. Я часто хожу к нему на ферму и помогаю дояркам доить коров.

Эмма Юдина

*Краснодарский край,
Ново-Сергиевский зерносовхоз*



Раз мы, школьники из 5-го класса «а» и «б», пошли на пустырь и там увидели, что это уже не пустырь, а стройка. А ведь мы три дня назад ходили туда, там ничего не было.

Ралера Головин

*Горьковская область,
с. Воротынец*

Я хочу стать дояркой, потому что эта работа мне очень нравится.

Таня Кузнецова

Костромская область

Я хочу стать строителем. Воздвигать новые города. Улучшать жизнь людям, чтобы у них были благоустроенные квартиры. И как будет приятно — вот построишь новый красивый дом, а потом пойдешь гулять по улицам и увидишь дом, который ты строил и скажешь: в этой постройке ты принимал участие, здесь вложена частица твоего труда.

Людя Пономарева

Ленинград

Стоит мне повесить нос, я беру портретик Гагарина, и на душе становится весело и хорошо.

Тамара Классникова
г. Вильнюс

У нас недавно образовалось Бухтарминское море. И я представляю, что при коммунизме у нашей школы будут собственные лодки, и мы плавали бы на них в походы по реке изучать свой край.

Валя Калмакова
Восточно-Казахстанская область

Наш детский дом решил за два месяца собрать не менее 20 тонн металлолома и отправить его на Сталинградский тракторный завод для изготовления двух тракторов, которые нужны для освоения целинных и залежных земель Дагестана.

Аким Акимов
Дагестанская АССР,
ст. Самур

В нашем селе 500 дворов, много в нашем селе и старичков, которые живут одни, но совсем нет старичков, к которым бы не ходили наши пионеры.

Галя Истомина
Бурятская АССР, с. Романовка

Я сочинил стишок «Кем быть». В. Маяковский не все профессии описал, он не описал профессии космонавта, которая родилась в наши дни. Я дополню к стихотворению Маяковского «Кем быть» эту часть:

КЕМ БЫТЬ

Летчику хорошо —
А космонавту лучше.
Я бы в космос полетел,
Пусть меня научат!

Виктор Баранников
АзССР, г. Закаталы

Однажды мы с товарищем поссорились. Он говорил, что ни один человек не взлетит в космос. Я же с ним был не согласен. И вот 12 апреля 1961 года взлетел в космос Юрий Алексеевич Гагарин. Мой товарищ оказался неправ. Он спросил тогда меня: «Откуда ты узнал, что взлетит человек в космос?» Я тогда ему ответил: «Я знал и был уверен, что вперед взлетит в космос советский человек».

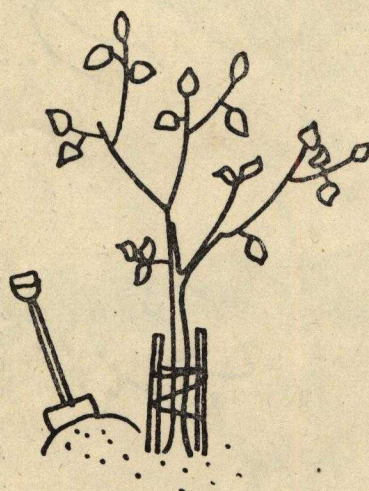
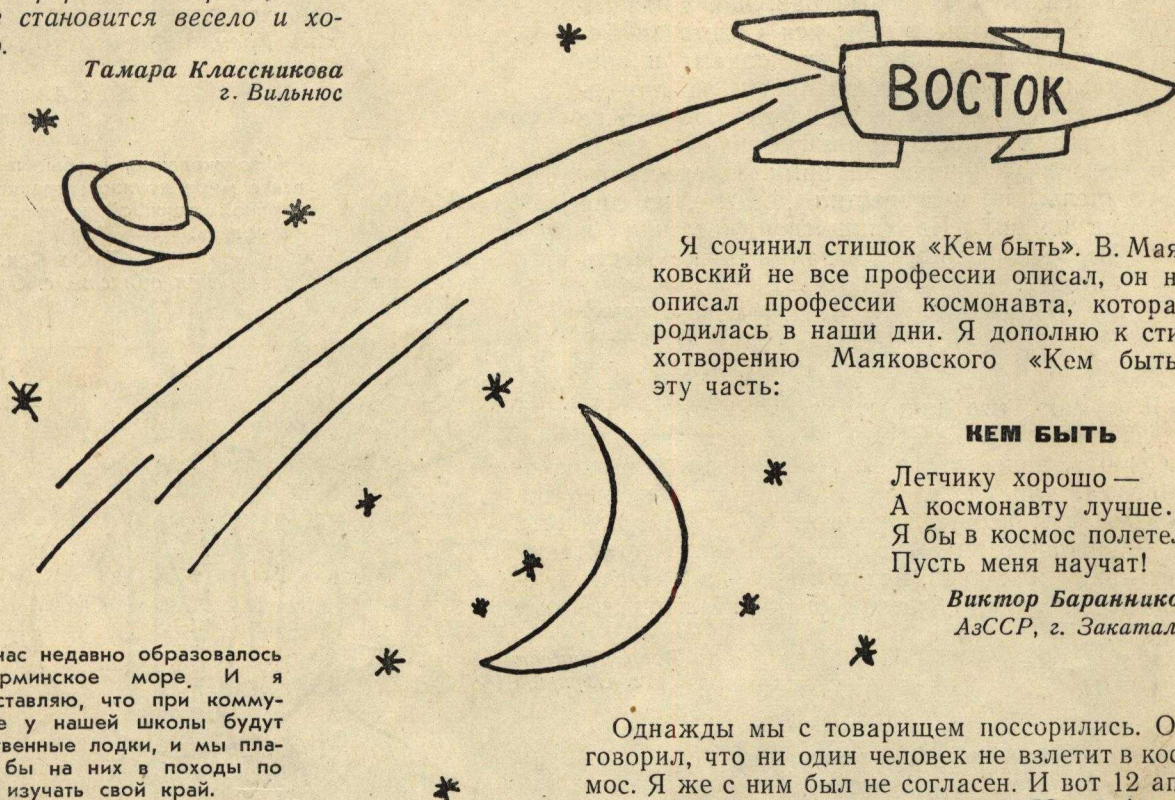
Цыгайков
Ленинград

Я и мои друзья очень хотели бы, чтобы Юрий Алексеевич Гагарин и Герман Степанович Титов полетели вместе!

Костя Казсков
Горьковская область,
д. Жистелево

К Ленинским дням был проведен воскресник. Младшие классы сажали деревца вокруг школы, а мы, старшеклассники, работали на посадке леса. Когда я сажал рассаду, то запомнил свой ряд, чтобы потом, через много лет, посмотреть уже не на маленькие кустики, а на рослые и стройные сосны и вспомнить школьные годы, которые нельзя вернуть.

Борис Кочетков
Башкирская АССР, пос. Тирлян



Я хочу быть агрономом. Я буду выращивать новые сорта растений. Я буду скрещивать северные растения с южными. Я мечтаю, чтобы вся Советская Родина была бы украшена садами и цветами. Я очень люблю цветы, люблю собирать букеты полевых цветов. Но больше всего я люблю домашние цветы. Я их сею и ухаживаю за ними. Из косточки апельсина я вырастил деревце, но еще не привил. Из финиковой косточки я вырастил пальму. У пальмы уже шесть листьев.

Игорь Луценко
г. Ереван

Я думаю, что при коммунизме будет так: на всей земле мир. Там, где сейчас пустыни и вечная мерзлота, зацветут сады. Люди будут или космонавтами, или исследователями, или инженерами. Космонавты первыми полетят на другие планеты. Возможно, что на Луне или на Венере есть такие источники или лучи, которыми можно излечить человека от любой болезни, а также продлить ему жизнь.

Вера Ткачева
г. Саратов

Сейчас по морям ходят пассажирские, военные и грузовые суда. Но лучше будет, если военных кораблей не будет на всей земле. И пусть грузовые и пассажирские суда возят только мирные грузы. Это мое большое желание, и я думаю, что с этим желанием согласятся многие люди, которые не хотят войны.

Валентин Мочалов
Московская область

Я хочу, чтобы ни один человек в нашей стране не чувствовал себя одиноким, забытым или никому ненужным.

А еще я хочу, чтобы люди не умирали, а жили долго.

Таня Колосова
Ленинград

Лентяев, дармоедов, хулиганов, спекулянтов и других вредных личностей в нашем городе не будет. Люди будут все честные и будут жить все, как родня.

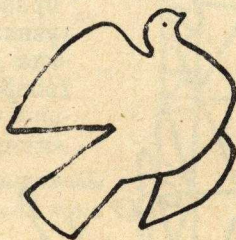
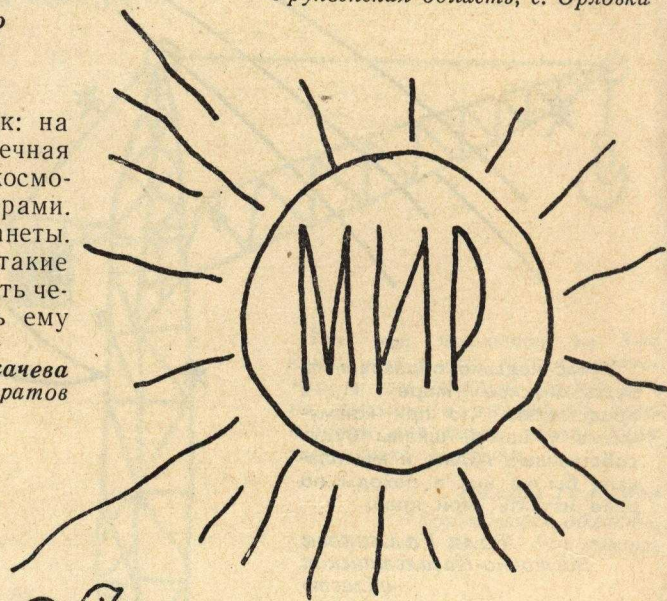
А. Михеев
г. Нарва

Ученые Москвы и Ленинграда спроектируют и зажгут первое термоядерное солнце над Гренландией и Антарктидой.

Юра Алексеенко
Ленинград

Мое желание, чтобы пионеры всего мира дружили крепкой пионерской дружбой и никогда не ссорились.

Людя Семенова
Фрунзенская область, с. Орловка



Я уничтожила бы на земле капитализм, сделала бы так, чтобы людям было радостно жить. Сделала бы так, чтобы черные были на одних правах с белыми, черные дети учились вместе с белыми. Ведь сердцем чувствуешь злой он или добрый, но не чувствуешь цвета.

Мне становится стыдно, когда я слышу о новых проделках колонизаторов. Я снова и снова задаю себе вопрос: почему люди бывают так подлы? Я думаю, что любой негр, которому даже нельзя смотреть на белых, гораздо больше сделал хорошего людям, чем все эти белые леди и джентльмены.

Лариса Рудешко
г. Краснодар





ДЕМОНСТРАЦИЯ

Саша Чеперечин, 6 кл.



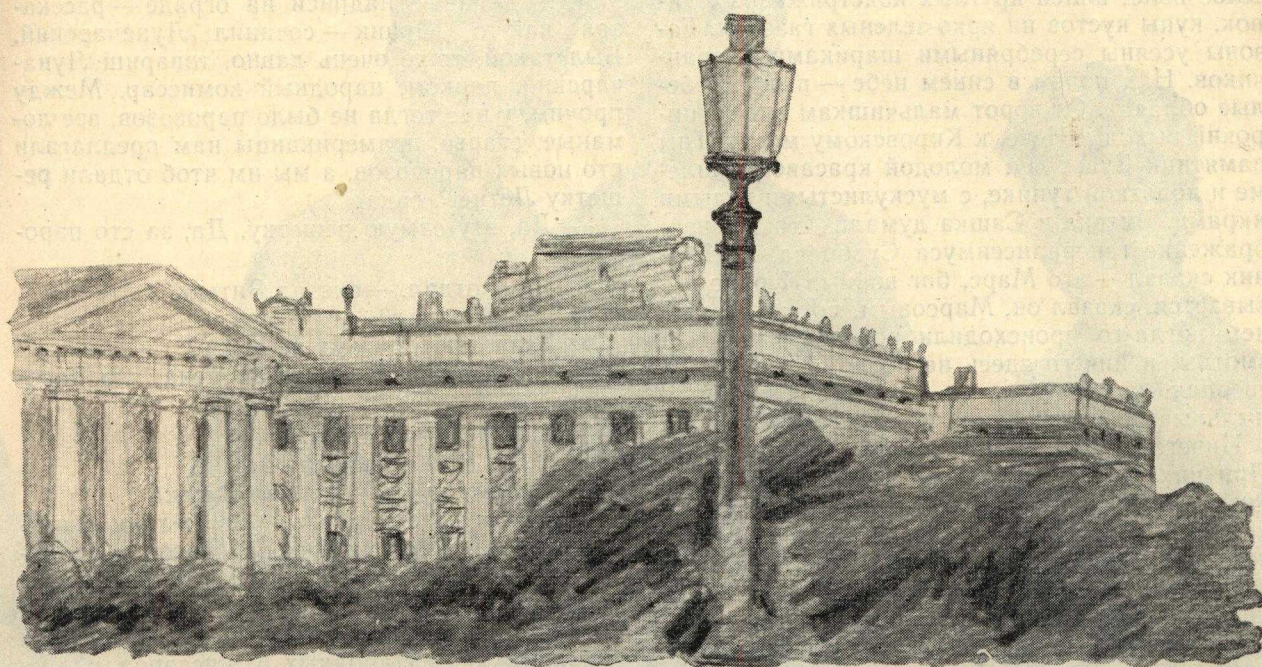
ПЕЙЗАЖ

Андрей Биок, 8 кл.



„НА ПЛАНЕТЕ“

Серёжа Зарембский, 5 кл.



ТРОЕ МАЛЬЧИШЕК У ВОРОТ

В. Панова

Рисунки А. Пахомова

Трое мальчишек стоят у ворот красивого дома. Старинный дом на Марсовом поле, желтый с белыми колоннами. Жаркий августовский день, последняя неделя каникул, раздолья, клетчатых бобочек. Эх, хорошо было лето! И прошло...

— Закурим, — задумчиво говорит Витька и протягивает пачку «Беломора».

Сашка берет папиросу.

— А ты? — спрашивает Витька у Юрчика.

— Спасибо, нет, — отвечает Юрчик. — Я бросил.

— Так-таки окончательно бросил?

— Да, — отвечает Юрчик. — Окончательно.

Он шупленький, бледный, в очках. Витьке и Сашке едва по плечо. Когда его мать узнала, что он курит, — это было на даче, она шла и

увидела дым, поднимающийся над кустами, — она рыдала так, будто он покушался на самоубийство. Этого он не мог перенести. Он пожертвовал своим удовольствием, чтобы она не рыдала так ужасно.

— Не сбивай его, — говорит Сашка Витьке. — Бросил и бросил, чего тебе?

— Я не сбиваю. Я только предложил.

— А ты не предлагай. Курил человек и бросил, не так это просто. Нужна твердость характера.

Эти силачи и верзилы немножко жалеют Юрчика, что у него такая сумасшедшая мать, — но уважают. И не только за твердость характера. В их глазах он чудо начитанности и всезнайства. О чем хочешь спроси — ответит. Или сразу, или, самое позднее, на следующий день. Наш очкарик, зовут они его с любовью.

Перед домом по неширокой мостовой проложены рельсы, ходит трамвай. По ту сторону трамвайной линии — широко распахнутое, вселенное поле: аллеи круглых подстриженных липок, кусты на ярко-зеленых газонах. Газоны усеяны серебряными шариками одуванчиков. Над полем в синем небе — пышные белые облака... От ворот мальчишкам виден широкий выход к Неве, к Кировскому мосту. Там памятник Суворову: молодой красавец в шлеме и короткой тунике, с мускулистыми голыми икрами. Витька и Сашка думали, что это изображение генералиссимуса Суворова, но Юрчик сказал — это Марс, бог войны. И поле называется, сказал он, Марсовым, потому что на нем когда-то происходили военные учения и смотры, и ничего здесь не росло. Земля была твердая, как камень, от солдатских сапог, и пыльные смерчи бродили по ней.

Ничего похожего мальчишки не застали. При них военное поле уже зеленело и цвело. Розы цветут и другие цветы, на скамейках сидят бабушки и няньки, дети играют на песочке. Специальные тетki смотрят за порядком, если что не так, — свистят в свисток. За большими мальчишками тетki смотрят во все глаза: все им кажется, что ребята пришли нарушать правила.

От старины осталось на Марсовом поле шестнадцать фонарей. Чудные, граненые. По вечерам, когда по всему полю, как ясные жемчужины, загораются белые круглые лампы, — шестнадцать старых фонарей светят слабым, жидким, отжившим каким-то светом. Будто из другого мира светят они. Посредине поля эти фонари, у братских могил.

Братские могилы окружены невысокой гранитной оградой. На сером граните вырезаны надписи. Длинные надписи, каждая во много строчек, какие строчки крупными буквами, какие помельче.

С четырех сторон ограда расступается, открывая вход вовнутрь. Жертвы революции там похоронены — очень давно: еще не только этих мальчишек, но и родителей их на свете не было.

На могилах горит вечный огонь. Это газовый огонь: под землей проложена труба, наружу выведена горелка. Газовщики Ленгаза присматривают за горелкой, чтоб была в исправности.

Штука обыкновенная, ничего особенного. Эти мальчишки живут в городе, где построен атомный ледокол, они интересуются космосом, искусственными спутниками, кибернетикой, газовая горелка для них — только газовая горелка, не больше. Вечный огонь, — под этими

словами они разумеют в основном то, что Ленгаз относится к своим обязанностям вполне добросовестно.

А те длинные надписи на ограде — рассказывал как-то Юрчик — сочинил Луначарский. Был такой, тоже очень давно, товарищ Луначарский, нарком, народный комиссар. Между прочим, у нас тогда не было паровозов, все лошадные, старье, и американцы нам предлагали сто новых паровозов, а мы им чтоб отдали решетку Летнего сада.

— Да, эту самую решетку. Да, за сто паровозов.

— Я бы отдал, — сказал Витька.

— Ты бы отдал?

— Если дают, почему не взять?

— Это, по-твоему, дорогая цена, сто паровозов?

— А то нет, — сказал Витька.

— Ну, и дуб! — сказал Юрчик.

— Почему дуб? — спросил Витька.

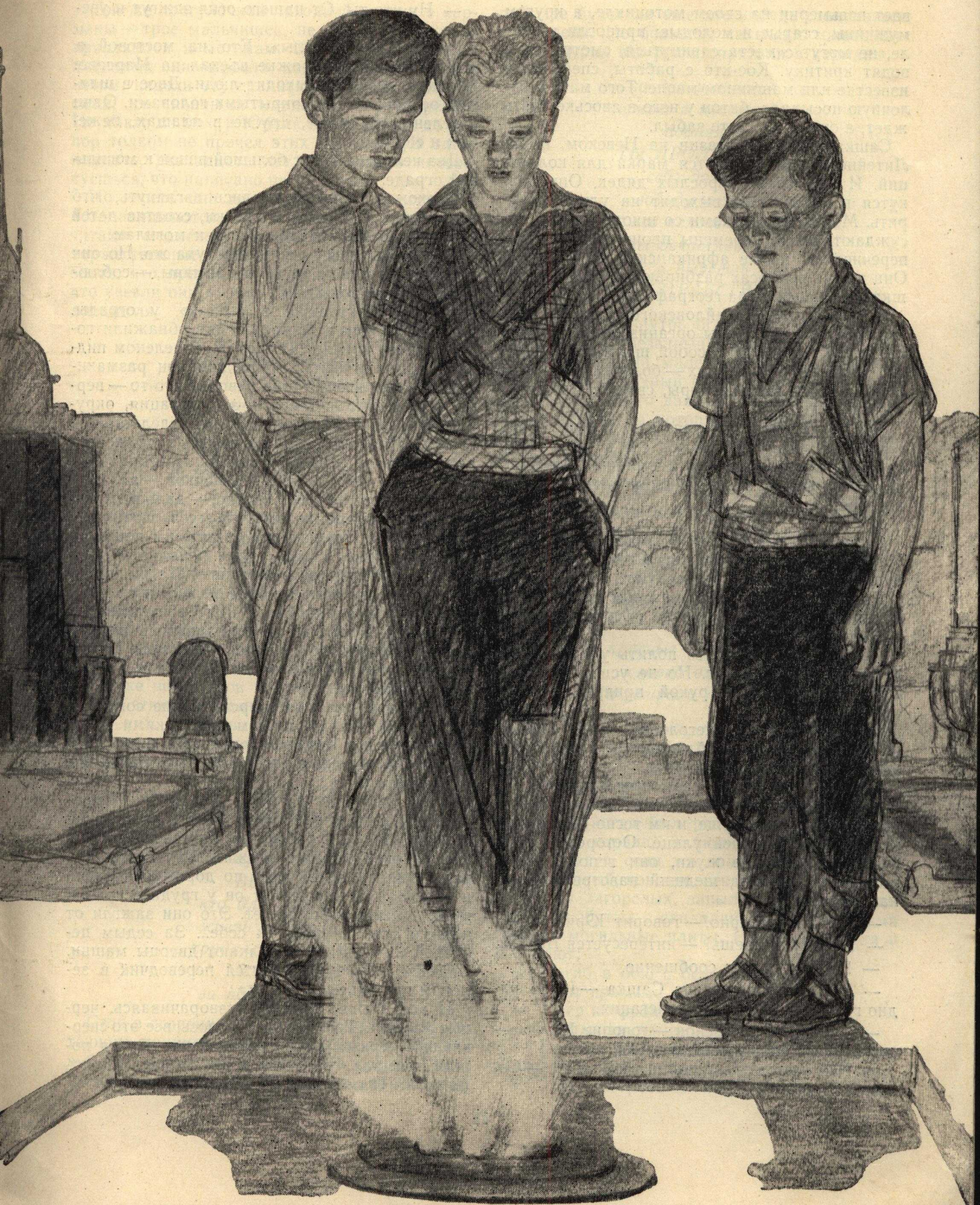
— Потому что паровозов мы делаем сколько угодно, и даже уже не паровозов, а тепловозов, электровозов — сколько угодно! А эта решетка — единственная в мире.

Такого же мнения был Луначарский. И он уговорил Совет Народных Комиссаров, что не надо отдавать решетку.

— Неужели единственная в мире? — спросил Сашка.

С одной стороны — Летний сад с его решеткой, которая дороже ста паровозов, с другой — Михайловский сад. Пойдешь налево от ворот — в двух шагах клуб Ленэнерго, где каждый вечер кино, а дальше, через мост, Петропавловская крепость. Между Невой и крепостью — полоса песка, узкий пляж. Крепостной стеной он защищен от северных ветров. Там купаются и загорают. Витька с апреля ходит загорать. Конечно, когда есть солнце. В апреле даже в солнечные дни песок как лед холодный, лежать нельзя — загнешься. Мужчины, молодые и старые, обнажась до пояса, загорают стоя, целой толпой, терпеливо и доблестно.

Пока ты маленький, ты себе не представляешь, что такое мужская жизнь. Ты думаешь: отработал отец свои восемь или семь часов — на сегодня его дело кончено. Ну, еще общественная работа, собрание или что. Но как подрастешь да начнешь самостоятельно ходить и налево от ворот и направо, — вот тогда и видишь, какая у них прорва разных занятий, у мужчин. Например: на Конюшенной площади каждый день мотоциклисты сдают испытания — получают права. Стоит экзаменатор — лейтенант милиции, дядька выделя-



вает восьмерки на своем мотоцикле, а кругом мужчины, старые и молодые: приросли к земле, не могут с места сдвинуться, смотрят, наводят критику. Кое-кто с работы, спецовка в известке или машинном масле. Того мать в булочную посылала, батон у него в авоське. Мать ждет, а он все на свете забыл.

Сашка ходит в магазин на Невском, возле Литейного, где продаются марки для коллекций. И там полно взрослых дядек. Они толкуются в магазине и выходят на улицу покурить. Меняются марками со школьниками, обсуждают, какие перемены происходят в мире, перечисляют новые африканские государства. Они в этих вопросах разбираются, говорит Сашка, как профессора географии.

А в той аллее Михайловского сада, что идет вдоль Мойки, мужчины организовали шахматный клуб. Приносят с собой шахматы и играют. Вокруг играющих — болельщики. Там устраиваются свои турниры, свои есть Ботвинники и Тали.

И опять, как не уважать Юрчика: эти серьезные люди принимают его в свою игру. Приглашали участвовать в турнире. Мать его на дачу увезла, а то бы он участвовал, ему хотелось.

Стоят трое мальчишек у ворот. Смотрят на Марсово поле. Люди ходят по дорожкам, бабушки и няньки сидят, беседуют.

Крохотная девочка в красном платице и мальчик в белой рубашонке рвут одуванчики на зеленом газоне.

Дворничиха собралась полить улицу, выволокла шланг из ворот. Но не успела пустить воду, — загляделась, рукой прикрывшись от солнца.

Со стороны Невы, щегольски плавно огибая угол на повороте, приближаются черные «зи-лы». Густо, один за другим.

— Ух ты, сколько! — замечает Сашка.

«Зилы» замедляют ход, а за ними подъезжают новые, еще и еще, и им тесно становится на неширокой нашей улице. Осторожно толпясь, как большие жуки, они всползают на рельсы, и трамвай, шедший навстречу, останавливается.

— Поляки, наверно, — говорит Юрчик.

— Почему думаешь? — интересуется Витька.

— В «Ленправде» сообщение.

— Ага, — подтверждает Сашка. — И по радио говорили. Польская делегация.

— Они возложат венок, — говорит Юрчик, — и увезут в Польшу вечный огонь.

— Как увезут? — спрашивает Витька. — Совсем?

— Ну что ты. От нашего огня зажгут и увезут.

Остановились «зи-лы». Кто на мостовой, а кто по широкой дорожке въехал на Марсово. Хлопают дверцы. Выходят люди. Двое в шляпах, остальные с непокрытыми головами. Один в зеленом пиджаке, другие в плащах, бежевых и серых.

Два человека несут большой венок к могильной ограде.

Прохожие приостановились взглянуть, что происходит. Бабушки и няньки, схватив детей за руки, со всех сторон бегут к могилам.

Трое мальчишек двинулись туда же. Но они плетутся не спеша, руки в карманы, — соблюдают свое достоинство.

Люди, приехавшие в «зилах», у ограды. Двое, что были в шляпах, тоже обнажили головы; ветер треплет их волосы. В зеленом пиджаке, должно быть, переводчик, он размахивает руками и без конца говорит что-то — верно, переводит надписи, — а делегация, окружив его, слушает. А потом один отделяется от группы. Он идет крупным шагом туда, в проrez невысокой ограды, к центру, где горит вечный огонь. Остальные — цепочкой — за ним. Он становится на одно колено, — дальше мальчишкам не видно, потому что его заслонили.

Но то, что они успели увидеть, им понравилось. На лицах у всех троих появляется удовлетворенное, гордое выражение. Да, им понравилось, что он стал на одно колено и склонил голову, свою седую голову. Это рыцарственно и красиво. Этого им не приходилось видеть, как становятся на одно колено в знак благоговения, об этом они только читали в исторических романах.

А главное, что коленопреклонение совершилось здесь, перед нашими и братскими могилами. На нашу ленинградскую землю опустил-ся он, благоговей, и ветер с Невы взвевал его седые волосы.

И все смотрели на это в молчании. И прохожие, и дети, и работники Ленэнерго из окон второго этажа, и работники почтового отделения из окон первого этажа... Кучка поляков расступилась, седой идет по дорожке обратно к машинам. Что-то несет он у груди в правой руке, а левой прикрывает. Это они зажгли от нашего огня и увезут к себе... За седым цепочкой идут другие. Щелкают дверцы машин. Садится делегация, садится переводчик в зеленом пиджаке.

И все. Нежно запели, разворачиваясь, черные «зи-лы». Тронулось, унеслось все это сверкающее черным лаком великолепие. Звеня пошли трамваи. Бабушки и внуки расходились по своим скамейкам.

Той же прогулочной походкой — руки в карманы — трое мальчишек, не сговариваясь, направляются к могилам. В соседстве с этими могилами они выросли; каждый день, зимой и летом, видели эту гранитную ограду с надписями, сочиненными наркомом Луначарским. Но никто из них, и Юрчик в том числе, до сих пор толком не прочел этих надписей. В одиннадцатый, двенадцатый лет не очень-то интересуешься, что написано на могилах.

Но теперь они медленно обходят ограду и останавливаются перед каждой надписью, и читают медленно и старательно эти строгие торжественные строки: трое мальчишек хотят знать, что прочитали на этих камнях поляки, что увезли они в свою Польшу с нашего Марсова поля.

*не зная имен
всех героев борьбы
ЗА СВОБОДУ
кто кровь свою отдал
род человеческий
читит безименных
ВСЕМ ИМ В ПАМЯТЬ
И ЧЕСТЬ
этот камень
на долгие годы
поставлен*

Они читают молча, про себя: Сашка — нахмурясь, Витька — отвесив румяную губу, Юрчик — с выражением серьезной замкнутости на маленьком лице. Кто быстрее, кто медленней доходит до смысла этих слов. Смотряка, даже нет знаков препинания. Сколько мороки с этими знаками, а оказывается, — можно и без них. В долгие годы, в даль времен это обращено, к русским, полякам, ко всем народам; и не до знаков препинания тут.

*БЕССМЕРТЕН
павший за великое
дело
в народе жив
ВЕЧНО
кто для народа
жизнь положил
трудился боролся
и умер
за общее благо*

Стоя в сторонке, на больших мальчиков, читающих надписи, смотрят маленький мальчик в белой рубашонке и девочка в красном платьице. Ждут, наверно, еще каких-нибудь собы-

тий. Не будет ли еще кто-нибудь становиться на колени. Но большие мальчики только вынули окурки изо рта и спрятали в карманы.

*со дна угнетенья
нужды и невежества
поднялся
ТЫ ПРОЛЕТАРИЙ
себе добывая
свободу и счастье
все человечество
ты осчастливишь
и вырвешь
ИЗ РАБСТВА*

Они входят внутрь ограды. В углу прислонен венок, привезенный поляками. Посредине, в углублении, на маленькой квадратной площадке, горит вечный огонь, он вьется на ветру в свете яркого дня, как живое ало-золотое знамя. Огонь, за которым приезжали поляки. Огонь, за которым присматривают газовщики, чтобы он горел вечно.

*НЕ ЖЕРТВЫ — ГЕРОИ
лежат под этой могилой
НЕ ГОРЕ А ЗАВИСТЬ
рождает судьба ваша
в сердцах
всех благодарных
потомков
в красные страшные дни
славно вы жили
и умирали прекрасно*

Ну и что ж такого, думается мальчишкам, что газовщики присматривают. Ясно — нужно присматривать, прочищать, когда засорится, без этого как же.

И что ж такого, думается им, что он погас однажды, когда был тот ураганный ветер, — ветер его сорвал, а люди зажгли опять, и опять зажгут, если это повторится, и конечно же, он вечный, конечно, вечный.

А у их загорелых, запыленных, исцарапанных ног, обутых в сандалии, тихими голосами говорят могильные плиты. Называют имена и поясняют:

- Погиб в бою с белогвардейцами.
- Убит правыми эсерами.
- Умер на фронте.
- Убиты финнами-белогвардейцами.
- Павшие от руки белогвардейцев при подавлении мятежа в Ярославле в июле 1918 года.
- Здесь погребены павшие в боях в дни

февральской революции и великого октября 1917.

*против богатства
власти и знания
для горсти
ВЫ ВОЙНУ ПОВЕЛИ
И С ЧЕСТИЮ ПАЛИ
за то чтоб богатство
власть и познание
СТАЛИ БЫ
ЖРЕБИЕМ ОБЩИМ*

Трое мальчишек — руки в карманы — идут от могил.

Это правильно, думают они, чтобы такие вещи записывали иностранцы и увозили за границу. Да, так и нужно. Как там написано: славно вы жили и умирали прекрасно. В те далекие, красивые, страшные дни.

— Почему страшные? — спрашивает Витька. Но товарищам не хочется сейчас обсуждать

все это, им надо немножко подумать. Юрчик, тот прямо-таки железно сжал свои бледненькие губы, показывая, что не желает разговаривать. Подумай и ты, Витька, своей головой, если можешь.

Молча шествуют мальчишки по гладкой аллее между круглыми липками, высокие слова стучатся в их сердца.

Они ушли во-время: уже поспешала к могилам тетка со свистком. Она заметила ребят в ограде и поспешала со всех ног: она думала, рассказывала она потом бабушкам и нянькам, что ребята пришли воровать цветы из венка. Но они уже ушли, а венок был цел. И с досады, что она зря ноги себе трудила, тетка им вслед засвистела в свисток.

А девочка в красном платьице и мальчик в белой рубашечке вернулись к одуванчикам. Они ничего не поняли, от начала до конца. Их время понимать еще не настало. Девочка присела, раздув свое красное платье, она похожа на большой цветок. Они оба с мальчиком похожи на цветы на ярко-зеленом лугу.



Встало утро над Васильевским островом, корабельной стороной. К Балтийскому заводу, крупнейшему в стране, идут тысячи рабочих. Среди них Герой Социалистического труда Василий Александрович Смирнов.

Вот он в брезентовой спецовке поднимается на стапель.

Стапель — огромная строительная площадка, где собирают корпус судна. Один конец площадки приподнят над землей, другой — уходит под воду. Высота стапеля вместе с судном, которое на нем строят, приближается к высоте семиэтажного дома!

Спуск корабля похож на скольжение санок с ледяной горы. Одна часть спускового устройства, между прочим, так и называется — «салазки».

Вздывается каскад брызг, рвутся тросы, падают в воду тяжелые якоря. Над судном взвизывает алый флаг.

На плаву корабль будут достраивать: отделявать жилые и служебные помещения, монтировать электроосвещение, прокладывать трубопроводы, устанавливать всякие приборы и механизмы.

...А Смирнов уже простился с кораблем. Дно и борта собраны, соединены прочно, надежно.

На следующий день краны понесут к стапелю многотонные секции нового судна — и все с начала. Сборка... сварка...

Считалось, усовершенствовать стапельное дело нет возможности. Кран подает секции судосторборщикам, они подгоняют их друг к другу, ставят на место, — и все.

На несколько сантиметров выступит кромка секции, — судосторборщик зовет газорезчика, чтобы обрезать лишнее, иначе стык будет неровным.

Поставлена секция на правом борту, рядом встает следующая. Чтобы точнее соединить секции, как этого требует чертеж, хорошо бы сейчас при-

варить вот в этом уголке, и вот здесь слегка прихватить.

А сварщика-прихватчика нет. Он другую бригаду обслуживает, которая идет по левому борту.

И траташь бесполезно драго-

ценное время, поджидая то прихватчика, то газорезчика.

Это тоже считалось нормальным — считалось, пока во время простоя Василий Александрович сам не взял в руки электросварочный аппарат.

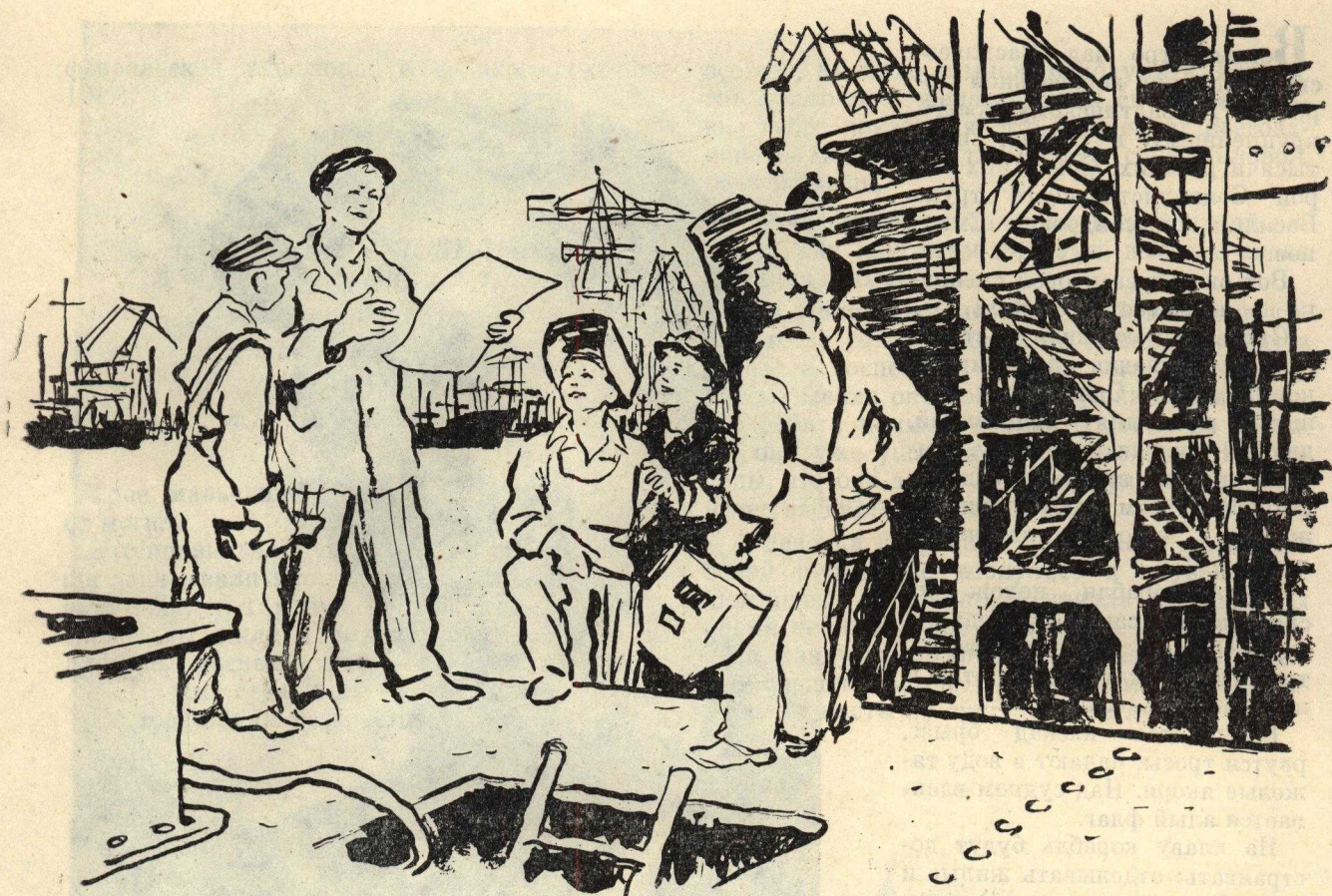


Делегаты XXII съезда КПСС

КОРАБЕЛЬНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Н. Алтowska

Рисунок Л. Коростышевского



Попробовал. Получилось. Газорезкой тоже овладел. Сдал, как полагается, экзамены, получил производственный разряд по этим специальностям.

— Корабельных дел мастер! — такая молва пошла о Смирнове по заводу.

Сейчас с его легкой руки электроприхватчиков в стапельном цехе вообще не осталось. Газорезчиков стало вдвое меньше. В обязательствах многих судосборщиков появились слова: «Обязуемся работать быстрее за счет совмещения профессий».

Намного ускорилась сборка судов, сотни и тысячи рублей сберег завод, высвободив рабочие руки для других важных заданий.

Три года назад бригаде Смирнова присвоили почетное звание коллектива коммунистического труда.

— Славные у меня были ребята! — вспоминает Василий Александрович. — Один Володя Шатурин чего стоил! Бывало ухажу в отпуск — вся надежда на него. Не подведет, все выполнит, как положено.

Смирнову гордиться бы да радоваться: о нем и его «орлах» все газеты пишут. А он подошел как-то к Шатурину и говорит:

— Слушай, друг, все, что я знаю, умею, передал тебе без утайки. Действуй, за бригадира!

— А вы куда? — растерянно спросил младший старшего.

Вместо ответа Смирнов протянул Шатурину газету. С газетной страницы смотрели улыбающиеся глаза Валентины Гегановой...

Сегодня это традиция. Выучив, поставив на ноги своих подопечных, Смирнов берет под начало «новеньких».

Сейчас у него в бригаде уже третий состав — пришедший недавно из армии Алексей Бурков и Геннадий Ермаков.

Алексей — человек серьезный, работает, учится в вечернем техникуме. По быстрому оценивающему взгляду, который бросит иногда в его сторону Смирнов, можно понять: быть Алексею Буркову бригадиром.

А вот с Геннадием Ермаковым труднее. Только-только исполнилось ему шестнадцать лет. Одно увлечение сменяется другим, и некогда подумать, что же все-таки в жизни самое главное.

Все выпытал Василий Александрович у Генки. Голубей любит отчаянно. Деньги на моторную лодку копит... В каждом классе сидел по два года. Еле еле четвертый закончил.

— Голуби — это хорошо, — задумчиво говорит Василий

Александрович. На какое-то мгновение в его глазах загорается озорной блеск.

— Вот что. Пиши заявления. Одно в пятый класс, другое — в комсомол. Я дам тебе рекомендацию. Не верю, что ты у меня бездельником вырастешь.

Удивительное дело! Генка после разговора с бригадиром тоже перестал верить, что он отбившийся от рук парень. Раз уж сам Смирнов поручился — баста! Будем работать, будем учиться.

Недавно Ермакова приняли в комсомол. В сентябре он снова сел за парту. Только это не дневная школа, вечерняя, молодежи Балтийского завода.

Не только в бригаде знают сердечность Василия Александровича.

Как-то обратилась к нему за помощью молоденькая учительница Назимова. Семья у нее, дочка первые шаги делает, а

комнатка темная, тесная — всего семь квадратных метров.

Смирнов побывал здесь, убедился, что надо помочь. Как откажешь — ведь он депутат городского совета. Это не только почетное звание, это работа. И главное в ней — чуткость, внимание к человеку, стремление помочь ему в трудную минуту.

Просьбы всякие бывают. Можно ли отказать пионерам 7-й школы Василеостровского района. Дружина приглашает Героя Социалистического труда на пионерский сбор. Надо быть обязательно!

...Когда Василий Александрович поднимается на ступень, он словно видит, как танкер «Пекин», груженный нефтью, подходит к берегам Кубы. Рефрижератор «Севастополь» под знойным африканским небом везет сардины из Средиземного моря. К родным берегам в северных широтах совершает рейс ле-

совоз «Павлин Виноградов». Режут волны танкеры «Варшава», «Будапешт», «Прага». Все эти корабли построены на Балтийском.

Вновь и вновь видит Смирнов стены Кремлевского дворца. В прошлом году он был здесь как участник Первого Всесоюзного совещания передовиков соревнования за коммунистический труд.

Разве забудешь этот волнующий момент? К нему, судостроителю, идет Никита Сергеевич Хрущев, крепко жмет руку и говорит:

— Балтийский завод знаю. Бывал у вас. Передайте товарищам: народному хозяйству нужны корабли. Делайте их больше!

Этот наказ партии стал законом для судостроителей Балтийского завода. В небывало короткие сроки построили они танкер «Бухарест».

На очереди более совершенные, более мощные суда.



СУББОТНИК

*Поэтичар Арутюнян,
ученица 7-го класса школы им.
Н. К. Крупской г. Ереван*

Будет сад шуметь листвою,
Школьный сад,
большой, чудесный.
Из камней ограду строим.
Помогает делу — песня.

Звонко песню мы запели,
И кипит работа споро.
Об усталости забыли.
Будет сад.

И очень скоро.

Как и мы,
Ильич однажды
тоже вышел на субботник,
Но не только сад —

он строил

Наше светлое Сегодня.

*Перевел с армянского
Евг. Кучинский*

Светлана — наша Сейдем

Сергей Баруздин

Рисунки Н. Петровой

Многие из вас, наверное, читали книжки Сергея Баруздина «Про Светлану» и «Светлана-пионерка». В них рассказывалось о маленькой московской девочке Светлане, о ее жизни в детском саду и дома, об учебе в школе и о пионерских делах...

В этих рассказах вы снова встретитесь со Светланой. Только теперь она уже выросла, стала комсомолкой. Впервые Светлана уезжает далеко от дома, чтобы жить и работать по-взрослому.

ИЗ МОСКВЫ В МОСКВУ

Чего только не видела Светлана, пока в школе училась! Летом по лесам бродила и в полях цветы собирала. В речках купалась — в больших и маленьких, и в море, когда в «Артеке» жила.

На Медведь-гору залезала и мчалась в автобусе по красивым крымским дорогам. А совсем недавно с братишкой на вертолете летала — с самого неба на Москву смотрела.

Все видела, да, оказывается, не все.

Слева — горы и справа — горы. Впереди — горы и позади — горы. Между ними петляет, шумит по камням быстрая речка. Под ней — тоже горы. Рядом с речкой вьется дорога. Настоящая, покрытая асфальтом. Как в Москве. И под ней — горы.

Разве такое бывает?

Бывает.

Горы высокие — до неба. На них лежат облака и снег.

И облака и снег — белые, а над ними голубое небо и солнце. Одно облако опустилось ниже снега и зацепилось за верхушки сосен. Там — лес. Он почти черный. Зато пониже леса — на солнце зеленеют еще не успевшая выгореть трава и кустарники.

Дорога окружена со всех сторон. Горы наступают на дорогу своими рыжими боками и каменными выступами и отвесными скалами с деревцами на макушках.

Но дорога вьется. Хоть бы что! То вниз, то вверх. То влево, то вправо. То чуть назад, то снова вперед. Как речка.

Нет, никогда раньше не видела Светлана таких гор. И по дорогам таким не ездила.

Вместе с ней в кузове грузовика ехали два старика киргиза в мохнатых черных шапках и старушка. Старушка — русская, а на голове у нее киргизский платочек-элечек. В ногах у старушки лежали два барана. Шерсть у них густая, пыльная, выгоревшая на солнце. Не черная, не рыжая, а какая-то бурая. Бараны лежали спокойно, тихо — смотрели в борт грузовика. Будто бы всю жизнь совершали такие путешествия.

— Откуда ты едешь, такая светленькая да молоденькая? — любопытствовала старушка.

Она ласково глядела на худую, в синей кофточке Светлану, на ее светлые, растрепанные на ветру косы.

— Из Москвы, бабушка, — ответила Светлана. — Только не маленькая я. Уже девятнадцать скоро. Я работать еду.

— Да, не маленькая, — согласилась старушка. — Далеко Москва, далеко. — Она вздохнула и поправила платок на голове. — Работать-то кем собираешься?

— Медицинской сестрой, — ответила Светлана. — Я курсы окончила. После школы. Да и в школе мы уже занимались.

Старушка одобрительно кивнула и что-то сказала по-киргизски своим соседям. Старики тоже кивнули и улыбнулись.

— И далече едешь? — опять поинтересовалась старушка. — Тебе бы на автобусе надо или на такси. На грузовой тряско.

— На автобус я опоздала, бабушка, — сказала Светлана. — Не хотелось долго ждать, вот и села на попутную. А еду я в аил Кырк-Кыз.



— В Кырк-Кыз? — старушка словно обрадовалась. Она вновь о чем-то перемолвилась по-киргизски со стариками. Они довольно рассмеялись.

Светлана никак не могла понять — о чем это они? Лишь услышала в незнакомой речи несколько раз повторенное слово: «Москва».

— Повезло тебе, доченька! — заключила старушка опять по-русски. — В Кырк-Кызе недалеко тебе от Москвы будет. Как дома окажешься!

— О чем вы, бабушка? — не поняла Светлана.

— Приедешь — сама поймешь! Обрадуешься!

В глазах старушки светились лукавые огонь-

ки. И старики-киргизы не скрывали удовольствия.

Только Светлана никак не могла догадаться, чему они радуются, о чем говорят.

А машина все мчала и мчала их дальше — в горы.

Вот и Долон — самый высокий перевал. И вновь дорога побежала вниз-вверх, влево-вправо, чуть назад и вновь вперед.

А когда приехала Светлана на место, и, верно, обрадовалась. Кто бы мог подумать, что она попадет из Москвы да в Москву!

Поздно вечером села она писать письмо домой. И начала его словами: «Шлю вам привет из далекой горной Москвы! Да, из Москвы. Так называется колхоз, в котором я буду теперь жить и работать...»

СВОЯ ШКОЛА

Председатель колхоза, или башкарма, как его называли все, сказал Светлане:

— О-о! Какая большая!

И правда, рядом с председателем Светлана казалась большой. На голову выше Бабаева, а может, и больше. Бабаев — маленький, круглый, с бритой головой, в тесной гимнастерке. Ноги у него кривые, как у старого джигита. Весь он, словно колобок. И передвигается, как колобок: не идет, а катится.

— В самый раз приехала, — обрадовался председатель. — До занятий месяц. Ведь ты в школе хочешь работать? Хочешь! Школа у нас будет новая в этом году, хорошая. Одно слово — интернат! Довольна будешь...

Тут Бабаев, видно, вспомнил что-то и стал разыскивать какого-то Асана.

Светлана поблагодарила председателя.

— А в школу я сейчас пойду, — сказала она. — Посмотрю, где кабинет медицинский. Подготавливаю все заранее...

— Жакши! Хорошо! — одобрил Бабаев. — По арыку иди, к месту приедешь.

Шумный арык тянулся вдоль главной улицы аила.

Пошла Светлана по арыку. Шла, шла, наконец попала на стройку.

— А школа здесь где? — спросила Светлана у маленькой девочки с пятью черными косичками.

Глаза у девочки раскосые, щеки яблоками, мордашка круглая — улыбается.

— Вот она, школа. Мы сами строим.

— И ты строишь? — поинтересовалась Светлана.

— И я, — подтвердила девочка. — Я тоже здесь учиться буду. В третьем классе.

Пошла Светлана по стройке. Стройка — большая. Сразу пять домов строится. И классы в них будут, и комнаты для жилья, и физкультурный зал, и мастерские, и столовая. И все сами ребята строят — старшие и младшие. И учителя им помогают. И колхозники.

— А медицинский кабинет где будет? — спросила Светлана.

Директор школы, которого, оказалось, звали Асаном, пошутил:

— Смотря для кого кабинет. Если для своего человека...

— Для своего, — в тон ему ответила Светлана. — Я тоже буду с вами школу строить.

— Раз так: жакши! Самую лучшую комнату под ваш кабинет дадим! — весело пообещал Асан.

Весь месяц Светлана провела на стройке. Вместе со всеми.

А наступил сентябрь, начались занятия в новой школе. И Светлана надела белый халат — пришло время ее работы. Только теперь для нее школа была не просто новой, а еще и своей. Ведь, как-никак, и она эту школу строила!

ГУЛЬНАР

Обычно ребята редко сами заходили в медицинский кабинет. Ну, если кто палец порежет или нос разобьет — другое дело. Тут хо-

чешь не хочешь, а пойдешь. А так — нет. Приходилось Светлане самой вызывать по очереди ребят — проверять их здоровье.

И только третьеклассница Гульнар каждый день забегала к Светлане сама.

Утро настает, занятия еще не начались, а Гульнар уже тут как тут. Приоткроет дверь кабинета и скажет:

— Здравствуйте, Светлана Петровна!

После занятий опять прибежит:

— Можно?

— Можно, Гульнарочка. Заходи!



Гульнар заходит, садится на свободный стул. Сидит, смотрит на Светлану внимательными глазами и спрашивает:

— А это что? А это? А вон то зачем?

Светлана занимается своими делами, а за-

одно Гульнар отвечает. Какая пробирка для чего служит. Какие шприцы бывают. Какие лекарства. Каким бинтом лучше голову забинтовать, а каким ногу или руку.

Посидит Гульнар, послушает и убегает.

— До свиданья, — говорит. — Спасибо! До завтра!

— До свиданья, Гульнарочка, — скажет Светлана. — Мы с тобой и сегодня еще не раз увидимся.

Время шло.

Начала Светлана замечать, что к ней и другие девочки стали сами заходить. И из третьего класса, и из пятого, и из восьмого. И тоже садятся, смотрят, вопросы задают. Видно, интересуются.

Иногда спросят о чем-нибудь, а потом добавят:

— А вот Гульнар нам говорила...

Поняла Светлана, в чем дело. Значит, Гульнар не только сама ее работой интересуется, и другим девочкам рассказывает про все, что узнает.

— А не хочешь ли, Гульнарочка, — спросила однажды Светлана, — по-настоящему заниматься? И других девочек можно позвать. Приходите раз в неделю, я буду вам все объяснять.

— Очень хочу, — призналась Гульнар. — И другие девочки хотят. Чтoб потом врачами стать.

— Вот и договорились, — обрадовалась Светлана. — А врачом я тоже хочу стать. Поработаю года три-четыре, а потом и в институт...

Желающих заниматься нашлось много. Организовала Светлана две группы. Одну — из младших девочек. Другую — из старших.

Ну, а в младшей группе теперь не только девочки занимаются. Третьеклассник Ашир вместе с девочками слушает, как разбитые колени лечить. Это ему особенно полезно знать. Уж очень часто Ашир колени разбивает.

Но сам Ашир никак не признается в этом.

— Совсем я и не из-за коленок! — говорит он. — Я врачом хочу стать, как Гульнар!

ОСЛИК И ЛОШАДЬ

Много ребят в колхозе «Москва» — и мальчишек, и девчонок. Да не все они в школе учатся. Те, кому еще семи лет нет, не ходят пока в школу. Сегодня не ходят, а завтра станут старше — пойдут.

Вот и решила Светлана:

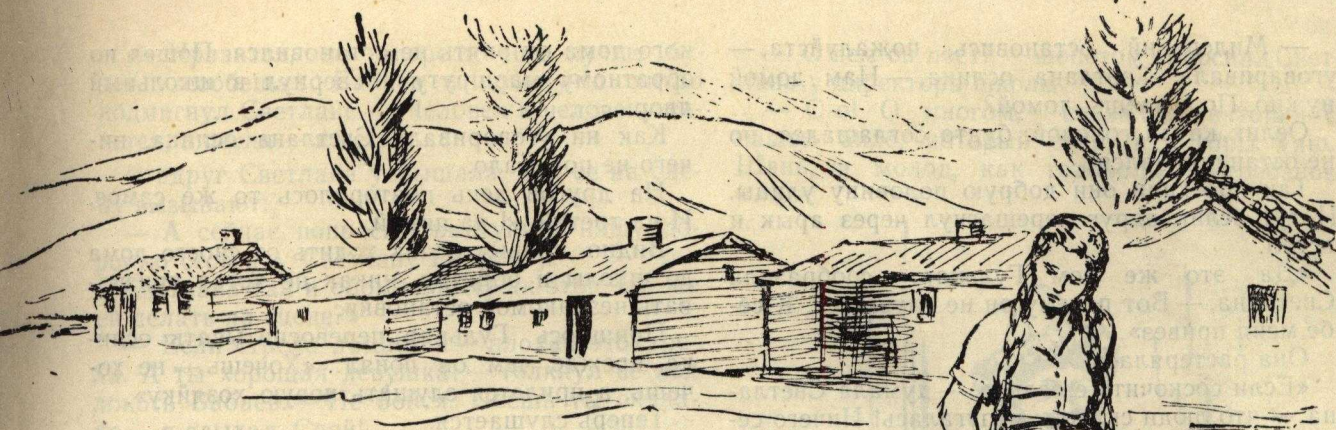
«Чтобы пришли эти ребята в школу здоровыми, надо сейчас за их здоровьем следить».

Посоветовалась она с врачами в районном центре.

Врачи похвалили:

— Правильно!

Стала Светлана после работы по домам аила ходить. Не по всем, а там, где малыши есть. Одному укол сделает, чтоб корью не болел. Другому — рыбий жир посоветует пить,



чтоб сильным был. Третьему вкусные витамины даст, чтоб здоровья прибавить.

А по воскресеньям, когда времени свободного много, отправлялась Светлана по дальним пастбищам. Где только не разбросаны колхозные юрты! И в долинах, где коровы и лошади пасутся. И на горных склонах, где отары овец гуляют. И на берегах бурных речек. И почти в каждой юрте вместе со взрослыми малыши живут. Один другого меньше.

Немало тропок и дорог исходила Светлана. И все пешком.

— Возьми коня! Нет горной девушки без коня! — советовал ей председатель Бабаев.

— Не надо. Я — так, — отговаривалась Светлана, а сама думала: «Сроду на лошади верхом не ездила. И не сяду на нее. Страшно».

— Лучше нашу лошадь возьмите, — предлагал ей директор школы Асан. — Из ста любую выбирайте! Как ветер быстрюю!

— Лошадь для меня не годится. Плохой из меня джигит, — шутила Светлана. — Если бы мне ослика предложили, взяла бы.

Шутки шутками, да как-то пришла утром Светлана в школу, а ее Гульнар с осликом дожидается.

— Светлана Петровна, вот вы ослика хотели, я привела, — сказала она. — Чтоб ходить вам не тяжело было. И седло у него, и уздечка. Так папа наказал.

А маленький серый ослик с белым пятном на шее стоит возле крыльца — смотрит на Светлану задумчивыми глазами.

Хотела Светлана отговориться, да ничего из этого не получилось.

— Нет! Нет! Нет! Папа наказал — берите, — настаивала на своем Гульнар. — Насовсем! Он ваш теперь.

Что делать — пришлось взять.

«Интересно, как только я на него сяду?» — думала Светлана.

Дождалась она конца занятий. Посмотрела в окно — ослик стоит. И ребят на школьном дворе не видно. Значит, можно попробовать.

Светлана сняла халат и вышла во двор. Ослик стоит. Ближе подошла: стоит, не убегает. По голове ослика погладила — ничего. Не возражает ослик.

Решила Светлана: «Будь, что будет!» — и села на ослика.

— Н-но! — сказала Светлана и дернула ослика за ремешок.

«Для начала до дому доеду», — решила она.

Ослик спокойно двинулся с места. Поехали к воротам. Потом — на улицу. И опять все хорошо. Светлана обрадовалась.

Теперь уж она и по сторонам смотрела. Не только на загривок ослика. И прохожим кланялась.

— Салоомалейкум, сестрица! Здравствуйте! — отвечали ей прохожие.

Вот и ее дом.

— Стоп! Приехали! — сказала Светлана и натянула ремешок.

Но ослик почему-то не остановился. Он продолжал идти по главной улице вдоль арыка.

Светлана еще сильнее натянула ремешок. И опять ослик не послушался.

— Миленкий, остановись, пожалуйста, — уговаривала Светлана ослика. — Нам домой нужно. Понимаешь, домой?

Ослик качал головой, будто соглашался, но не останавливался.

Так проехали они добрую половину улицы. И тут ослик вдруг перешагнул через арык и встал.

«Да это же дом Гульнар, — сообразила Светлана. — Вот почему он не слушался. К себе меня привез».

Она растерялась.

«Если соскочить с ослика, — думала Светлана, — что люди скажут: испугалась! Ничего себе взрослая, а еще медсестра! С ослом справиться не может!»

Не слезая с ослика, Светлана повернула его в обратную сторону:

— А теперь давай назад, к моему дому.

Ослик послушался. Двинулся в обратную сторону. Но не тут-то было. Возле Светлани-

ного дома он опять не остановился. Пошел по обратному маршруту и свернул в школьный двор.

Как ни уговаривала Светлана ослика, ничего не помогало.

На другой день повторилось то же самое. И на третий. И на пятый.

Видно, привык ослик ходить от своего дома до школы и обратно, никак не хотел признавать незнакомой остановки.

Пришлось Гульнар перевоспитывать ослика, прежде чем он понял: «Хочешь — не хочешь, а придется слушать новую хозяйку».

Теперь слушается.

Правда, за это время и Светлана привыкла к ослику. И не к одному ослику. Она сейчас и на лошадь не боится сесть.

И когда Светлана приезжает верхом на самые отдаленные пастбища, табунщики и чабаны ее возле юрт встречают:

— Салоомалейкум, сестрица! Здравствуйте!

ВОЖАТАЯ

В третьем классе произошло важное событие. Октябрят приняли в пионеры. И Гульнар стала пионеркой. И Ашир. И другие ребята. Утром Гульнар прибежала к Светлане похвалиться:

— Здравствуйте, Светлана Петровна! А у меня — галстук.

— Поздравляю, Гульнарочка, — ответила Светлана. — И галстук вижу, и то, что ты прическу свою изменила.

У Гульнар теперь вместо пяти тонких косичек, были две — толстые.

— Как у вас, — сказала она. — Я уже большая. Скажите, Светлана Петровна, вы хотите у нас вожатой быть?

Светлана улыбнулась.

— Какая же из меня вожатая, Гульнарочка? Я — старая, — пошутила она.

Убежала Гульнар на занятия.

После третьего урока вызвали Светлану в кабинет к директору.

— Вы пионеркой были? — спрашивают Светлану.

— Была. Я даже галстук свой сохранила, — отвечает она. — Только давно это было.

— Ну, какой же давно! Пять лет назад — это не давно, — смеется секретарь райкома. — А то, что галстук сохранила, — как раз кстати.

— Почему?

— Будете вожатой в третьем классе.

Светлана смутилась. Боялась, что не справится. Да и киргизского языка она не знает.

— Язык — дело наживное, — сказал директор. — И ребята наши все по-русски хорошо говорят.

На другой день пришла Светлана в третий класс: сбор новых пионеров проводить.

— А вы тоже пионеркой были? — спросил Ашир. — В Москве?

— Была. Меня даже на Красной площади в пионеры принимали.

— Интересно, — согласились ребята. — Вы счастливая!

— А комсомольское поручение вам уже дали? — поинтересовалась Гульнар и хитро рассмеялась.

— Дали, — сказала Светлана. — Только почему это ты, Гульнарочка, так хитро улыбаешься?

— Да просто так.

— Ну, а все-таки?

— Потому, что нас послушались, — призналась Гульнар. — Мы сказали, что никого, кроме вас, в вожатые не хотим. И вышло по-нашему! Правда, хорошо?

ПЕСНЯ

Как-то раз в колхозном клубе был концерт. Сначала на сцене ребята выступали. Гульнар пела. Другие девочки танцевали. Ашир на ко-
музе играл.

Светлана сидела в зале вместе с председателем Бабаевым и директором школы Асаном.

— Нравится, как мои ребята выступают? — спросила Светлана председателя.

— Нравится, но впереди еще лучше будет, — пообещал Бабаев и почему-то хитро подмигнул Светлане. — Человек к человеку тянется, а песня — к песне...

И вдруг Светлана услышала, как ее на сцену вызывают:

— А сейчас попросим выступить нашу дорогую сестрицу Светлану Петровну.

Светлана так и обомлела: «Как это! Что же ей делать на сцене?»

— Если стрела ломается — плохая это стрела. А ты хорошая девушка! — толкнул ее под локоть Бабаев. — Не бойся. Поешь ты складно — я слышал. Спой!

— Когда я пела? — удивилась Светлана, еще больше краснея.

— Да дома, — объяснил Бабаев. — Мимо шел — слышал.

— Так это я для себя...

— А теперь для всех. Разве можно хорошую песню себе оставлять!

Пришлось Светлане идти на сцену. Вышла она, в зал посмотрела. Люди ждут, хлопают, смотрят на нее добрыми глазами.

Села Светлана за рояль и запела знакомую с давнего детства русскую песню про березку.

Хорошо получилось. Светлане долго хлопали.

— Подвели вы меня, — сказала Светлана председателю, садясь на свое место.

— Зачем подвел! Выручил! — смеялся Бабаев.

В это время на сцену вышел старый аксакал с редкой седой бородкой. Он был в белом бешмете с прямым воротником и в тубетейке, обшитой мехом мерлушки.

— Наш лучший чабан и певец лучший Асан-аке, — пояснил директор школы.

Старик ударил по струнам комуза и запел удивительно молодым голосом.

Слов песни Светлана не понимала. Но она слышала, как в песне льется горная река, как летят брызги, как светит солнце и поют птицы.

— О чем он поет? — шепотом спросила Светлана у директора школы.

— О-о! О многом, — сказал директор. — О нашем аиле, который стар, как горы Тянь-Шань, и молод, как годовалый жеребенок.



О том, как в давние времена жили в нашем аиле сорок девушек — сорок красавиц, но не было у них счастья и радости, и как бросились они с высокой горы в ущелье. С той поры наш аил называется Кырк-Кыз, что значит — сорок девушек. Но сейчас другая жизнь пришла в аил. Не сорок девушек, а много девушек-красавиц живут теперь в аиле, и все они дружны и счастливы. Киргизских девушек, красивых, как мак на наших полях, как персики в наших садах. Украинских девушек, красивых, как стройные тополя на улицах нашего аила. Русских девушек, красивых, как нежные березки в наших горных лесах. Вот о чем поет старый Асан-аке! Это и про тебя песня.

ЮРТА В САДУ

Высоко в горах находится колхоз «Москва». Но если попадешь в него, то и не почувствуешь, что под ним — горы. По одну сторону аила тянется большое, ровное, как стол, поле. Бегут по полю сразу пять речек и в одну сливаются.

За полем лес. Хоть и не высокий, да настоящий, лиственный. Растут там и клены, и тополя, и ольха, и береза, и рябина.

А с другой стороны аила — тоже поля. Пшеничные, кукурузные, маковые. По ним ходят

комбайны и тракторы, гудят машины, наполненные зерном.

И только вдаль — слева и справа, впереди и позади — темнеют высокие гряды гор.

Улицы аила ровные, и дома на них стоят ровно — в ряд, как школьники на линейке. Дома из глины. Есть старые, а есть новые. Те, что постарее, — без крыш, с маленькими окошками. Ну, а новые побелены, и крыши на них железные или черепичные, и окна большие, светлые.

Дома окружены невысокими глиняными заборами — дувалами. Подойдешь к дувалу, и все видно. Что возле дома делается, что в саду или в огороде.

У всех есть в аиле дома, да не все в них жить привыкли. Аил — не пастбище, а все равно возле некоторых домов юрты стоят. Маленькие и большие. Летние и зимние. Из верблюжьего войлока, с тундуком наверху — отверстием для выхода дыма. Как дом ни хорош, а иному старику в юрте лучше. И удобнее, и привычнее.

Вот и у Ашира рядом с новым домом юрта стоит. Прямо в саду между двумя персиковыми деревьями. Там бабушка и дедушка живут. А мама с папой — в доме.

Бабушка и дедушка тоже в дом заходят. И едят там, и радио слушают. А спать в юрту уходят. Там — лучше!

Но однажды вот что случилось из-за этой юрты.

Как-то на перемене заглянула Светлана к третьеклассникам. Хотела посмотреть, вышли ли ребята в коридор, чтобы класс проветрить. Видит: все ребята вышли, а Ашир не вышел. Глаза у него блестят, лоб покрылся испариной.

— Уж не захворал ли ты? — спросила Светлана.

Потрогала его лоб и, верно, у Ашира температура. Градусник поставила: температура высокая. Кашляет Ашир, нос у него мокнет.

Светлана уложила Ашира у себя в кабине-те, стала его лечить, пока врач не приехал.

Вечером к Аширу отец с матерью явились. Увидели сына в чистой теплой постели, рядом — медсестру, успокоились:

— Ничего, поправишься. Вон, как за тобой ухаживают!

Ушли они. Часа не прошло, как прибежала старушка — бабушка Ашира:

— Отдай нашего верблюжоночка! Пусть дома лежит!

— Нельзя, бабушка, — попыталась возразить Светлана. — У мальчика температура. Завтра доктор придет.

А бабушка и слышать ничего не хочет:

— Не говори так, побойся аллаха. Разве бездомный наш верблюжоночек, чтобы тут лежать? Не сирота. Сколько джигитов вырастила — все дома болели. Отдай!

Спорили они, спорили, но все без толку. Светлане бы не послушать старуху, на своем настоять! Но поддалась она, побоялась старую женщину обидеть.

Бабушка забрала Ашира.

Домой привела и прямо — в юрту.



Родители Ашира хотели возразить, да не решились. Побоялись старую мать обидеть.

Положили Ашира в юрте на подстилку, одеялами прикрыли, бараньим салом накормили. Уснул Ашир.

Утром Светлана пришла проведать Ашира. Увидела его в юрте, испугалась:

— Что же вы наделали! Сквозняк здесь, ночь холодная была. Простудите мальчика еще больше.

Бабушка что-то колдовала возле внука и даже не посмотрела на Светлану. Возле головы Ашира стояло несколько плошек с кумысом. Видно, он и от кумыса отказывался.

Стала Светлана слушать больного, а у него грудь хрипит хуже вчерашнего. И температура не спадает.

Сделала Светлана укол, чтоб температуру

снизить, а когда врач приехал, пришлось санитарную машину вызывать.

— У мальчика грипп был, — сказал врач, — а теперь воспаление легких началось. Простудили вы его за ночь в юрте.

Тут уже и бабушка ничего не могла возразить: отправили ее верблюжоночка в больницу.

Через три недели вернулся Ашир домой здоровым.

Пришел он в школу и сразу — к Светлане: — Уж не сердитесь на бабушку за эту юрту! Старенькая она. Хотела как лучше...

— А я и не сержусь, — сказала Светлана, — я на себя сержусь. Если бы не отпустила тебя домой, то и в больницу ты не попал бы! В другой раз умнее буду.

ПЕРЕПЕЛКА

В один из ясных осенних дней гуляли ребята во дворе школы. И Светлана тут же была. Вдруг раздался крик Гульнар:

— Летят, летят! Перепелки летят!

Ребята бросили играть и тоже стали смотреть в небо. Видят, перепелок собралось много-премного. Целая стая. То ли они из жарких стран летят, то ли, наоборот, с Тянь-Шаня в полет отправились.

В это время одна перепелка зацепилась за провод, взмахнула крыльями и камнем полетела вниз.

— Светлана Петровна! Перепелка разбилась! — закричали ребята, хотя Светлана стояла рядом и сама все видела.

Когда Гульнар подбежала к арче, возле которой упала перепелка, там уже стояло несколько ребят. Ашир держал в руках птицу. Он протянул ее Гульнар и сказал:

— Бери, ведь это ты первой увидела ее.

Гульнар так обрадовалась, что даже покраснела.

— Только осторожнее держи, — наставительно сказал Ашир, — у нее крыло разбито, ей больно.

Перепелку принесли в медицинский кабинет. Никогда еще у Светланы не было такого больного! А здесь и крыло пришлось перепелке лечить, и клетку доставать, и кормить. Правда, кормить перепелку ребята помогали.

Вокруг клетки хлопотали все третьеклассники: и Гульнар, и Ашир, и другие ребята. Один воду в блюдечко нальет, другой хлебных крошек насыплет, третий мух наловит и прямо с руки перепелку кормит. Она не боится. Привыкла, хоть бы что!

Все старались угостить свою подшефную чем-нибудь вкусным. Одна первоклассница даже хотела дать ей шоколадную конфету, но Ашир не разрешил:

— Что, перепелка — девчонка? Она — птица и не ест конфет.

...Незаметно промелькнула неделя.

— Ну, а теперь, ребята, пора нам выпустить нашу перепелку на волю: она уже совсем здорова.

— Жалко отпускать, — сказал Ашир. — Пусть бы она у нас жила...

— Тебе хорошо так говорить, — пошутила Светлана. — А каково перепелке! Если бы тебя, например, когда ты в больнице был, оставили там жить навсегда? Как? Согласился бы?

— И правда, давайте лучше выпустим, — вместо ответа сказал Ашир.

Гульнар взяла из клетки перепелку, и все вышли во двор. Перепелка встрепенулась, повернула голову к ребятам и важно прогулялась по ладони Гульнар. Потом не спеша почистила перышки и легко соскочила на сухую, выжженную солнцем землю.

Ребята стояли тихо и молча ждали, в какую сторону полетит перепелка.

А перепелка взмахнула крыльями, вспорхнула на дерево и оттуда посмотрела на ребят.

— Привет! — крикнул Ашир.

— Привет! — поддержала его Гульнар.

В ту же минуту перепелка легко поднялась с дерева и, набирая высоту, скрылась за домом.

Ребята побежали на занятия. А когда кончились уроки и настало время обеда, Гульнар вдруг закричала:

— Смотрите, смотрите! Наша перепелка вернулась.

И верно, над школьным двором пролетала перепелка. Может, это была и другая перепел-

ка, но ребятам показалось, что это их знакомая. Наверно, они правы. Ведь не должна же перепелка забывать тех, кто спас ее от беды!

СЛОВА ГОР

Плохо человеку без дела. И без друзей настоящих плохо.

Стала Светлана вожатой — дел у нее прибавилось. И друзей стало больше. Каждую свободную минуту она теперь с ребятами проводит.

Воскресным утром пришла Светлана с пионерами в ущелье. На ослике ведро с белой краской привезли и кисти.

Ущелье глубокое. По бокам — горы. Одна Тигровой называется, другая — горой Старого архара. Склоны ущелья покрыты зеленым ковром трав, диким чесноком и кустарником. Говорят, раньше здесь и тигры водились, и медведи. А сейчас только орлы кружатся над одинокими деревцами в поисках добычи. Авось, куропатка попадется или перепелка, а может, и лисица встретится.

Через ущелье проходит большая дорога. Едут по ней в обе стороны машины. Зерно везут и книги. Овощи и игрушки. Яблоки и одежду. Да и мало ли какие еще грузы!

— А теперь за дело! — сказала Светлана ребятам.

Стали ребята мелкие камни собирать вдоль дороги. Набрали целую кучу. От земли очистили, в роднике помыли, на солнце просушили. Потом Гульнар и другие третьеклассники взяли в руки кисти и покрасили каждый камешек в белый цвет.

Опять просушили камни и вновь покрасили. Чтоб краска не смывалась и камни издали видно было.

— Можно начинать? — спросила Гульнар, когда все было готово.

— Можно, — сказала Светлана, — да осторожно: чтоб ровно было и без ошибок!

— Мы грамотные, — пошутила Гульнар. Разбегались ребята влево и вправо от дороги.

Камешек за камешком начали складывать на зеленых склонах гор большие русские и киргизские буквы. Буква к букве — слово получается. Слово к слову — целое предложение: «Слава людям труда!»

Еще слово к слову — другое предложение:

«Слава нашей Родине!»

Несколько часов трудились ребята. Все трудились, и вожатая — с ними. Один ослик отдыхал — щипал возле родника свежую травку.

А когда закончили работу, домой отправились. Отсюда до айла Кырк-Кыз рукой подать. Если напрямик по горным тропкам идти, так час ходу...

Едут по ущелью машины и в одну сторону, и в другую. Грузовики спешат, автобусы, «Волги», «Москвичи», «Победы». Путники верхом на лошадях и осликах трусят.

Смотрят люди по сторонам, а на склонах гор крупными белыми буквами слова выложены.

— Хорошие слова говорят горы! — замечают пассажиры.

И верно. А еще о хороших делах ребят говорят слова гор. Ведь слова эти складывали лучшие ребята — пионеры.

«ОРЛЕНОК»

Отец купил Аширу велосипед. Настоящий, двухколесный. «Орленок» называется.

Приехал Ашир на велосипеде в школу. Ребятам стал показывать:

— А у меня велосипед!

— Хороший, — согласилась Гульнар. — Дашь прокатиться?

— Я еще сам не накатался, — сказал Ашир. — Ведь это мой велосипед.

Ашир — к мальчишкам.

— А у меня велосипед!

— Хороший, — согласились мальчишки. — Дашь прокатиться?

— Я еще сам не накатался, — сказал

Ашир. — Ведь это мой велосипед.

Тут Ашир заметил вожатую:

— Светлана Петровна, а у меня велосипед!

— Хороший, — согласилась Светлана. — Но плохо, что ты ребятам не даешь на нем прокатиться.

— Я еще сам не накатался, — сказал Ашир. — Ведь это мой велосипед.

Весь день катался Ашир на своем велосипеде. И на переменах катался, и после уроков. Очень ему хотелось показать всем, как он здорово сидит на седле и управляет рулем. Только ребята почему-то вовсе не обращали внимания на Ашира.



Обиделся Ашир. К Гульнар подъехал.
— Почему ты не просишь, чтоб я прокатил тебя? Хочешь?

— Не хочу, — сказала Гульнар. — Это твой велосипед, ты на нем и катайся.

Ашир к мальчишкам.

— Хотите прокатиться?

— Нет, — сказали мальчишки. — Это твой велосипед, ты на нем и катайся.

Обиделся Ашир еще больше, соскочил с велосипеда и побежал к Светлане:

— Почему они не хотят кататься на велосипеде? Я им предлагаю, а они не хотят.

— И правильно делают, — сказала Светлана. — Ты же сам всем говорил, что это твой велосипед и ты сам еще не накатался.

Почесал Ашир затылок, подумал и говорит:

— Я больше так не буду!

— Что не будешь? — переспросила Светлана.

— Жадным не буду, — пояснил Ашир.

— Тогда другое дело, — сказала Светлана. — Пойдем к ребятам.

Через несколько минут во дворе школы уже все ребята по очереди катались на велосипеде. И Ашир с ними.

— Хороший велосипед! — говорили ребята. — И название у него хорошее «Орленок»!

КИРПИЧИ

Изменчива погода в горах. По ночам на отрогах Тянь-Шаньского хребта и снегопады уже случались, а днем над долиной нет-нет, да и гроыхнет набежавшая из-за гор грозная тучка.

Но тут случилась над Кырк-Кызом гроза серьезная. Огромная, в полнеба, туча оторвалась от вершины Тигровой горы и прикрыла землю. Захлестал ливень, задрожали стекла от ударов грома, блеснула молния.

Еще блеск, опять удар, еще...

Не успевшие разбежаться с полей люди услышали сухой треск, словно молния в щепки разбила могучий ствол. Но это было не дерево.

— Электростанция горит! — разнеслось по селу.

Деревянное, давно состарившееся здание электростанции вспыхнуло, как спичечный коробок.

Жители бросились к месту пожара. И Светлана побежала.

Но оказалось, что помощь не требуется. Две пожарные машины уже делали свое дело. Шланги опустили тут же в речку, на которой стояла станция.

Пожар потушили. Вскоре утихла и гроза.

Все бы хорошо, да остались колхозники без электричества.

Настал вечер. Непривычно темно было в аиле.

Не загорелись лампочки в домах, не зажглись фонари на улицах, было темно и в клубе, и в библиотеке.

Светлана пошла из школы домой.

— А когда свет будет? — спросила ее по пути Гульнар. — Уроки неудобно делать.

На темной улице аила Светлане встретились девушки-комсомолки.

— Скучно, — сказали они, — и клуб без света закрыт.

— В гараже света нет — работать трудно, — сетовали шоферы.

— У меня кино. Крутить не могу, — волновался киномеханик.

Даже старики и старухи, и те, оказывается, без света никак обойтись не могут:

— Без глаз мы остались. Словно ослепли без света.

Наутро стали строить новое здание электростанции. Пока электрики провода чинили и машины на станции проверяли, молодые и старики ставили столбы, разбирали обгоревшие доски, месили глину. И Светлана прямо из школы пришла на стройку.

Тут как раз грузовики приехали с кирпичами из самана. Шоферы, чтобы времени зря не терять, сами разгружали машины. Один за-

брался в кузов, и другой, и третий. Начали сбрасывать кирпичи на землю. Кирпичи ложатся друг на дружку кучей, а некоторые даже бьются.

В это время третьеклассники подошли. Увидели машины, остановились и стали смотреть, как шоферы работают.

— Так нельзя бросать кирпичи, — сказал Ашир, — они все побьются.

— Верно. Их лучше по одному складывать, — поддержала его Гульнар.

— Да одни шоферы до вечера не разгрузят машины, — сказал кто-то из мальчишек. — Долго им придется работать.

А Светлана услышала этот разговор и сказала:

— Вы, вместо того, чтобы рассуждать, лучше помогли бы!

— И правда, давайте поможем! — предложила Гульнар.

— Давай, — согласился Ашир.

— Поможем! Поможем! — закричали остальные ребята.

Стали они помогать шоферам. Снимают с машин по одному кирпичу и на землю аккуратно складывают. Кирпичи не бьются, и работа пошла веселее.

В это время старшие ребята на стройке появились. Остановились они около машин: смотрят, как шоферы и младшие работают.

— Так нельзя разгружать кирпичи, — сказал кто-то из старших. — Надо по цепочке кирпичи передавать.

Ашир услышал этот разговор и говорит:

— Вы, вместо того, чтобы рассуждать, лучше помогли бы!

— И правда, давайте поможем! — предложил один из старшеклассников.

— Давай! — согласился второй.

— А что! Поможем! — поддержал третий.

Стали все работать вместе. Построились цепочкой — передают кирпичи из рук в руки. Быстро проходит каждый кирпич по цепочке и на землю ложится.

Хорошо получается, аккуратно, не бьются кирпичи.

Получаса не прошло, как разгрузили ребята машины.

— Ну, вот и хорошо! — сказала Светлана.

— Теперь мы станцию быстро построим, — добавил один из шоферов. — Не на словах, на деле помогли!

ВОЛКИ И КУМЫС

Чем ближе была зима, тем чаще слышала Светлана разговоры о волках. Поговаривали, будто в соседнем аиле волки задрали белую верблюдицу, а на Долоне волчья стая растерзала трех лошадей, отставших от табуна. И еще...

В общем, чего только не говорили.

Сама Светлана никогда с волками не встречалась. Ну, разве что в детстве в зоопарке...

И вот однажды...

Возвращалась Светлана с дальнего джайлоо. Она торопилась. Время было позднее. Уже стемнело. А в горах и подавно темно. Хорошо хоть, что ее небольшая мохнатая лошадка сама знает дорогу: она безошибочно ступает по земле, минуя валуны и ямы.

Впереди Светланы чемоданчик с инструментами, привязанный к луке седла.

— Пош! Пош! — погоняла она лошадь по-киргизски.

Вот, наконец, и долина. Еще один перевал, и покажутся огни колхоза. Большая часть пути осталась позади.

Неожиданно лошадь заржала и прибавила ходу.

«Почему? — удивилась Светлана. — Может, почуяла что?» Она прислушалась. Где-то слева на склоне горы блеяли овцы. Раньше их здесь

не было. Часа четыре назад Светлана ехала этой же дорогой: никаких овец она не видела.

Светлана подняла голову. Туманная луна холодно освещала край холма, на котором сгрудились овцы. Наверное, целая отара. Но где же юрта чабана? Юрты не было.

Лошадь опять заржала. И тут, словно в ответ ей, на склоне, чуть ниже отары, послышались вой и лай.

«Может, волки?» — подумала Светлана.

Рычание повторилось.

Светлана вгляделась в темноту. На фоне редкого кустарника метрах в десяти от отары маячили две волчьи фигуры. Волки подвывали, то ли глядя на луну, то ли — вниз, на тропинку.

Теперь уже у Светланы не было никаких сомнений.

«И ружья у меня нет. Да все равно — стрелять не умею, — пронеслось у нее в голове. И еще слышанное где-то в детстве: — Волки не нападают на человека».

Все же она хлестнула лошадь.

Лошадка перешла на рысь и, сбивая камни, влетела на последний перевал.

— Пош! Пош! — шептала Светлана, глядя гриву лошади.

Где-то позади еще слышалось завывание, но вскоре и оно стихло.

У Светланы отлегло от сердца. Показались огни айла.

Но вдруг она вспомнила об отаре: «Волки, определенно, подбираются к ней. По кустам, по кустам — и окажутся возле овец. А чабана нет...»

Ей стало стыдно и страшно. «О себе подумала, спаслась, а как же овцы? Что делать? Сказать, но кому?»

Лошадка принесла Светлану прямо к школьной конюшне. Соскочив с седла, Светлана бросилась к домику директора:

— Асан Шукурбекович, скорей! Там — волки!

жья и стали подниматься по склону холма. Сердце у нее стучало, как маятник, по спине пробежал неприятный холодок. И правда, стало довольно прохладно. Дул ветер, горы окутал туман.

Теперь Светлана уже ничего не видела. Видно, мужчины подобрались к кустарнику, где скрывались волки.

«Выстрелят — услышу», — решила Светлана. Но выстрелов почему-то не было.

И вдруг Светлана услышала голос Асана: — Сестрица, скорей! Спускайтесь к нам!

Светлана взяла лошадку под уздцы и спустилась по тропке в долину.



К счастью, у директора был в гостях брат. Мужчины схватили ружья и вывели из конюшни лошадей:

— Поехали!

По пути Светлана рассказала все, что видела в долине.

— Бывает, бывает, — подтвердил Асан. — Куда только чабан девался, непонятно...

Через несколько минут они были уже на перевале.

— Вон там, — показала Светлана на лежащий впереди холм. Она остановила свою лошадь:

— Я дальше не поеду. Здесь подожду...

Мужчины спустились в долину и слезли с лошадей. Светлана видела, как они сняли ру-

— Идите, не бойтесь! — еще раз крикнул Асан. Он ждал у склона, где были привязаны лошади. — А теперь пошли наверх, — добавил он, беря из Светланиной руки поводок. — Я познакомлю вас с этими волками...

— Вы шутите? — спросила Светлана.

— Не шучу, не шучу. И брат там наверху...

Они взобрались по отлогому склону, обошли стороной кустарник и оказались на площадке, где паслись овцы. Их было много, сотни две или три. Овцы спокойно дремали, прижавшись друг к другу. Лишь несколько крупных баранов стояло в стороне, внимательно поглядывая на пришельцев.

— Что все это значит? — не без робости спросила Светлана, озираясь по сторонам.

— А то, что мы пойдем сейчас к чабану в юрту кумыс пить, — весело сказал Асан. — Не отпускает старик без угощения.

Юрта оказалась с противоположной стороны холма.

«Поэтому я ее и не видела», — сообразила Светлана.

— Вот и волки ваши, — сказал Асан, подходя к юрте, — Они не хуже чабана свое дело знают.

Возле юрты стояли две огромные мохнатые овчарки с высунутыми языками.

— А я-то... — хотела сказать Светлана, да замолчала. Только покраснела до ушей.

— Не беда, — поддержал ее Асан. — Молоденькой куропатке и воробей беркутом снится. А встречи с волками у вас еще будут. Не горюйте!

— Нет уж, лучше не надо, — призналась Светлана.

Они вошли в юрту. Здесь было тепло. Приятно пахло дымком кизяка.

Старый чабан налил всем по полной пиале кумыса:

— Кумыс храбрость дает, красавица! Кто кумыс пьет, сильным будет, как Манас! На здоровье!

Светлана выпила пиалу кумыса. Чабан подлил ей еще. Теперь и, правда, она чувствовала себя хорошо. Про волков никто не вспоминал, и смущение пропало.

— Вы уж, пожалуйста, не рассказывайте никому, — шепнула Светлана директору. — А то ребята мои узнают, стыдно...

— Что узнают? — удивился Асан. — Сели на коней, приехали к хорошему человеку в гости, пьем кумыс. Все нормально! Жакши! А больше ничего и не было!

ПОЧЕМУ НЕ ПОМЕЧАТЬ

Часто Светлана получала письма. Из дому — от родителей и от братишки. И не из дому — от друзей своих, что разлетелись, словно птицы, по всей стране. Одни — работают, другие — учатся; а третьи — и то, и другое делают.

Однажды пришло Светлане письмо не из дома, и даже не из города какого-нибудь, а с самого синего моря. Не простое письмо — с фотографией.

Поставила Светлана фотографию на стол в своем доме. Дом у нее теперь хороший — из саманного кирпича, побеленный, с черепичной крышей и деревянным полом. Настоящий киргизский дом. Только спит Светлана в нем не на полу, а на кровати. И ест не на полу, а на столе. И сидит не на полу, а на стульях.

Как-то вечером пришли к Светлане в гости ее пионеры: они часто заходят: то книжку интересную послушать, то рассказ какой-нибудь от Светланы узнать.

Пришли, увидели фотографию. Любопытно! Моряк стоит на палубе большого белого теплохода. На корабле надпись: «Петр Великий».

— Это кто, Светлана Петровна? — поинтересовался Ашир.

— Мой старый товарищ, — объяснила Светлана. — Были мы когда-то с ним в детском саду вместе, а потом в школе учились. Виталием его зовут.

— Такой большой, в детском саду? — удивилась Гульнар.

— Тогда он маленьким был, меньше вас, — улыбнулась Светлана. — И я была маленькой.

Виталик и в те годы капитаном хотел быть, и мы с ним даже поспорили. Мне тоже хотелось быть капитаном. А вот стала медсестрой...

— И хорошо, — подтвердила Гульнар.

— А я и не жалею, — призналась Светлана.

— А теперь он моряк? Настоящий? — спросил Ашир.

— Настоящий. Плавает на теплоходе. Скоро капитаном будет. Вот в гости меня к себе зовет...

— И вы поедете, Светлана Петровна? — забеспокоилась Гульнар. — Не уезжайте, пожалуйста!

— Нет, сейчас не поеду, Гульнарочка, — пообещала Светлана. — Напишу ему письмо, что не могу никак. На кого же я вас оставляю?

— Вы ему напишите, чтоб к нам, на Тянь-Шань, приезжал, — посоветовал Ашир. — И про то, что у нас озеро есть, такое большое, как настоящее море. И что там штормы бывают и настоящие пароходы плавают. Пусть он будет на Иссык-Куле капитаном!

— Что ж! Пожалуй, напишу, — согласилась Светлана.

— А если он не может приехать, — добавила Гульнар, — так напишите ему, Светлана Петровна, что мы к нему в гости приедем. И тогда он покатает нас на своем белом корабле, по своему морю. Ведь вам одной, без нас, уезжать нельзя, а с нами можно? Правильно?

— И это напишу, — пообещала Светлана.

Написала она Виталию, как ребята советовали. Все слово в слово. Может, так и будет?

Почему не помянуть?

Пришла в горы большая зима. Ветрами загудела, завывала метелями, загрохотала снежными обвалами. Долины занесло снегом, горы полысели, тропки прихватило морозами.

Медленнее поползли машины по горной дороге. Отары овец ушли на зимние пастбища. Там еще есть трава, и снега не очень глубоки.

Был полдень, когда Светлана выехала верхом из колхоза «Москва». Она направилась в районный центр. Предстояло получить медикаменты, побывать в больнице, зайти в райком комсомола. Дел на два добрых часа, да еще дорога. Как раз бы до темноты и вернуться!

Оделась Светлана тепло, по-зимнему. Шубу натянула, валенки, шапку-ушанку. Шел крупный снег. Было морозно, но не очень. Без ветра и холод нипочем.

Светлана проехала по улицам аила, миновала поле и лесок и выехала на главную дорогу. Лошадь шла осторожно. Под ногами накапанный шинами и полозьями снег: того гляди оступишься, поскользнешься.

Машины сегодня попадались редко. Дорога выглядела безлюдной.

«Видно, где-нибудь обвалы были», — подумала Светлана.

Уже в первом ущелье ее встретил пронизывающий ветер. Снег вился в воздухе, словно раскрученный жгут. Он больно хлестал в лицо, бил по глазам. По земле мела поземка. Голова и бока лошади покрылись инеем. Лошадь недовольно фыркала и опускала морду к ногам.

Среди гор висели низкие серые тучи. Вершины скрывались где-то над ними.

«Может, зря я в такую погоду? — подумала Светлана. — Как бы бурана не было...»

Но вот она проехала один поворот и еще один, и ее сомнения стали рассеиваться. Дорога пошла под уклон. Ветер стих. Посветлело небо. Появились вершины гор, покрытые снегами.

Слева от дороги лежала глубокая пропасть. Теперь Светлана ехала, прижимаясь к правой стороне, к скалам. Но вскоре пришлось сойти с лошади. Дорога круто метнулась вниз. Лошадь начала скользить и дважды чуть не упала на задние ноги.

«Здесь немного пройду, а там опять сяду», — решила Светлана.

Она взяла лошадь за поводок и пошла вниз. Мимо, тяжело пыхтя и гремя цепями, проехал встречный грузовик с досками. Шофер подмигнул Светлане.

— Не свались!

В лощине дорога делала крутой поворот влево, огибая выступ черной, будто вымазанной дегтем, скалы. За ней, с противоположной стороны, лежало большое ущелье. Летом там бурлила быстрая горная речка.

Сейчас ущелье не казалось большим. Снег засыпал его на добрую треть, скрыв под собой и речку, и кустарник. Только телеграфные столбы уныло поднимали над снежной целиной свои перекладины.

Дорога теперь поднималась чуть-чуть вверх, и Светлана собралась уже сесть в седло.

Но вдруг до ее уха донесся чей-то далекий гулкий крик. Кричали как будто со стороны ущелья.

«Может, показалось?» — Светлана остановила лошадь и прислушалась. Где-то завывал ветер. Наверное, в горах — далеко. Но вот среди свиста ветра опять послышался крик. Эхо разнесло его по лощине, повторив несколько раз. Теперь уже трудно было понять, откуда кричат.

Светлана осмотрела всю лощину. Наконец, вновь повернулась в сторону ущелья.

— Сю-да-а-а! — донеслось оттуда. А может: «Бе-да-а-а!» — Светлана не разобрала. Но она ясно слышала, что кто-то кричал.

Она продолжала смотреть в ущелье, но, кроме снега и телеграфных столбов, ничего не заметила.

«Добраться бы туда, но как?»

До ущелья было не меньше полкилометра. А может, на самом деле и больше. Светлана попробовала шагнуть с дороги — валенок провалился в глубокий снег. А чем дальше, тем снега больше. С головой провалишься.

«Хоть бы появился кто на дороге, — подумала Светлана, когда крик из ущелья вновь гулко разнесся по лощине. — Догнать машину с досками? Она уже далеко. Не успеешь...»

Откуда-то из-за горы подул ветерок. Потом он стал сильнее. Закружился снег на дороге. Ветер засвистел, как комар над ухом. Из ущелья теперь никто не кричал.

На какую-то секунду у Светланы мелькнула мысль — вскочить в седло и умчаться скорей отсюда. Не стоять же так все время. И в районный опоздать можно, и обратно не поспеть засветло.

Но она испугалась от одной этой мысли. А если в самом деле кто-то кричал?

Неожиданно Светлана услышала впереди шум мотора.

«Неужели машина? Вот повезло!»

Шум все приближался. Светлана бросила лошадь и побежала вперед по дороге. Из-за поворота выехала пустая трехтонка.

— Стойте! Стойте! — закричала Светлана.

Шофер остановил машину и выскочил на дорогу:

— Что стряслось?

— Кричит там кто-то. Вроде, из ущелья, — объяснила Светлана. — А я ничего не могу поделать.

Шофер, уже не молодой человек, в валенках и полушубке, не спеша подошел к краю дороги:

— Где?

— Вон в том ущелье, — показала Светлана. — Несколько раз кричали.

«А что, если мне показалось, — думала она. — Нет, не могло. Уж очень хорошо было слышно».

Шофер, будто не поверив ей, постоял и пошел обратно к машине.

— Только не уезжайте! — попросила его Светлана.

— Не уеду, стой, — буркнул шофер. — Дай мотор заглушить.

Он вернулся назад, поднес руку ко рту и сам крикнул в сторону ущелья:

— Эй, кто там?

Эхо повторило его крик.

Но ущелье молчало, только ветер свистел в лощине.

Теперь уже и Светлана крикнула, но и ей никто не ответил.

Шофер постоял еще минуту, почесал нос и внимательно посмотрел на Светлану:

— Куда едешь-то?

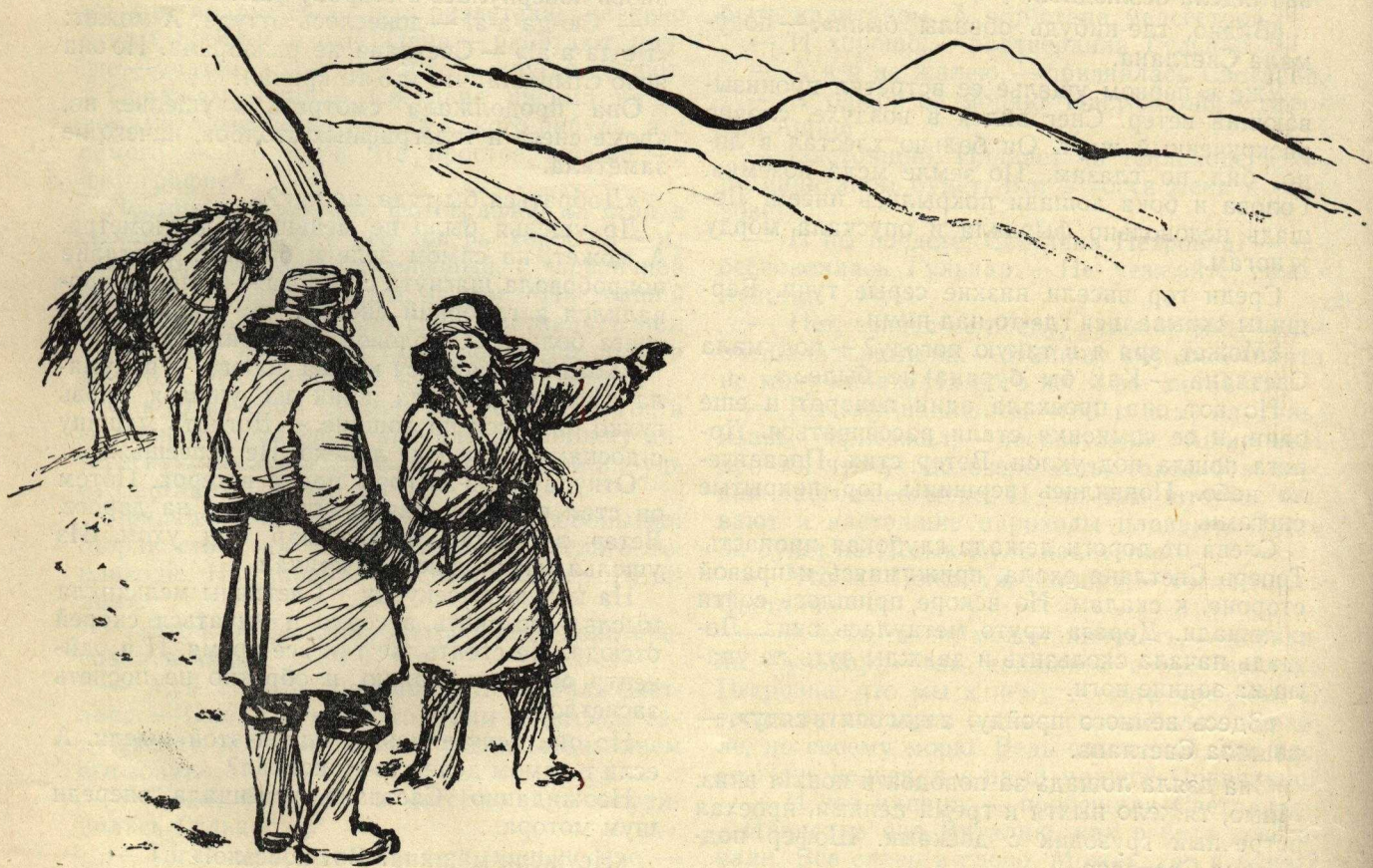
— В райцентр...

— Ну, и поезжай себе. Померещилось, небось, со страху.

— Да нет же, — пробовала возразить Светлана.

Шофер улыбнулся:

— Спешу, спешу! Нет там никого! Один ветер гуляет. Забавницы, — добавил он уже ласковым тоном. — Все им приключения подавай!



Шофер кивнул Светлане и пошел к машине. «Может, и прав он?» — подумала Светлана, беря под уздцы лошадь.

— Будь здорова! — крикнул шофер, когда машина порвнялась со Светланой. — Езжай, а то простынешь!

Машина тяжело пошла по дороге. Светлана поставила ногу в стремя и села на лошадь.

Лошадка обрадовалась и двинулась было уже в путь, но Светлана попридержала ее:

— А ну-ка постой, постой!

«А что, если на выступ скалы забраться и оттуда посмотреть еще, — подумала она. — Хоть так, чтобы спокойнее было».

Она опять соскочила с лошади и осторожно забралась на покрытую снегом отвесную скалу, нависшую над дорогой. Не успела она подняться выше, как за ее спиной вновь раздался гулкий крик:

— Сю-да-а-а!

«Значит, не напрасно не уехала, а этот шофер... — с обидой подумала Светлана. — Удрал уже».

Она поднялась на самый верх скалы и оттуда посмотрела в сторону ущелья.

Что это там?

В самой глубине ущелья за последним телеграфным столбом маячили какие-то фигуры. И еще темнело большое пятно на снегу.

Светлана присмотрелась внимательнее и поняла, что пятно колышется. Значит, это не пятно, а отара овец. А впереди верблюдов навьюченный и две лошади. Только людей не видно. Слишком далеко отсюда.

«Оттуда и кричали, — поняла Светлана. — Вон снегу сколько, не пробиться им одним... Наверное, обвал их отрезал от дороги... А что же я могу сделать? Ведь одна...»

Она еще раз, словно проверяя себя, посмотрела в ущелье.

И в тот же миг опять услышала:

— Сю-да-а-а!

Машин на дороге не было. Не долго думая, Светлана слезла со скалы и быстро села в седло.

— А ну-ка, давай назад скорей! Пош! Пош! — сказала она лошади.

Лошадь развернулась и недовольно зашагала в обратный путь.

«Туда — час, оттуда — час, — подсчитывала Светлана. — Нет, из аила быстрее можно. Машины надо в колхозе взять, и людей побольше с лопатами...»

Не прошло и двух часов, когда три грузовые машины доставили к месту происшествия колхозников с кетменями и лопатами. Уже начало смеркаться, и председатель Бабаев приказал шоферам:

— Разворачивайтесь поперек дороги и фары зажигайте! Светить нам будете!

Копать снежный коридор пришлось от самого края дороги. Уже через несколько метров он был глубже человеческого роста. Шаг за шагом, метр за метром пробивались люди сквозь снежную целину.

— Ты отдохнула бы, — посоветовал Светлана председатель, — и так запарилась...

Но Светлана даже не ответила Бабаеву. Она, как и все, торопилась. Лопата вонзалась в мягкий снег легко. Труднее было поднимать ее высоко над головой, чтоб выбрасывать снег наверх.

Светлана не чувствовала ни холода, ни жары. Она скинула шубу и теперь работала в одном свитере.

Вот уже пройдена треть пути, — вот — половина. Коридор стал подниматься вверх. Значит, они миновали ложину и подошли уже к противоположной стороне. До ущелья осталось метров триста. Дальше надо рыть вдоль столбов: так путь короче.

Вскоре она услышала блеянье овец и человеческие голоса — мужской и женский.

Бабаев уже узнал чабана и его жену:

— Как вы там, Асан-аке, живы? Сайра-апа, а вы?

Потом они перешли на киргизский, и Светлана перестала понимать, о чем переговаривается председатель с чабаном.

Лишь глубокой ночью они пробились через ущелье. Здесь, за горами, снега было меньше.

На большой поляне, еле посыпанной снежком, Светлана увидела отару овец, навьюченного верблюда, лошадей и двух стариков. Чабан и его жена обнимались со своими спасителями и чуть не плакали от радости.

Тут и Светлана узнала их. Вспомнила, как Асан-аке пел песню в клубе про аил Кырк-Кыз и про сорок девушек.

— Знакомая девушка, — произнес старый чабан уже по-русски. — В клубе пела. Про березку. Это ты?

Значит, и он узнал ее.

— Это она вас выручила, Асан-аке, — сказал председатель. — Если б не она...

— Наша Сейдеш молодец! Настоящая девушка-джигит! — похвалили колхозники.

— И верно — Сейдеш! Спасибо тебе, доченька! — подошла к Светлане жена чабана. — Шестьсот баранов потерять — беда. Как их вернешь? А ты вернула. Нет цены тебе, Сейдеш, за это.

И она поцеловала Светлану.

Раскрасневшаяся от мороза и работы, Светлана совсем смутилась:

— Что вы! Все работали. Разве я одна?..

— А ты не смущайся, Светлана Петровна, — похлопал ее по плечу председатель. — Видишь, наши джигиты тебя Сейдеш назвали. Киргизским именем тебя нарекли. Значит, родной тебя считают, своей дочерью. Заслужила!

Прошло несколько дней. Как обычно, утром открылась дверь медицинского кабинета, и на пороге появилась Гульнар:

— Здравствуйте, Светлана Петровна! Вы газету уже видели?

— Нет еще, Гульнарочка, — сказала Светлана. — А что там, в газете?

— А вот смотрите! — довольная Гульнар протянула Светлане газету.

Светлана развернула газету и вдруг увидела свою фотографию. Снимок был очень смешной: в ушанке, с одним оттопыренным ухом, Светлана выглядела на нем забавной, чуть испуганной девчонкой.

А под фотографией была подпись: «Светлана — наша Сейдеш».

ПЕСНЯ КУБЫ

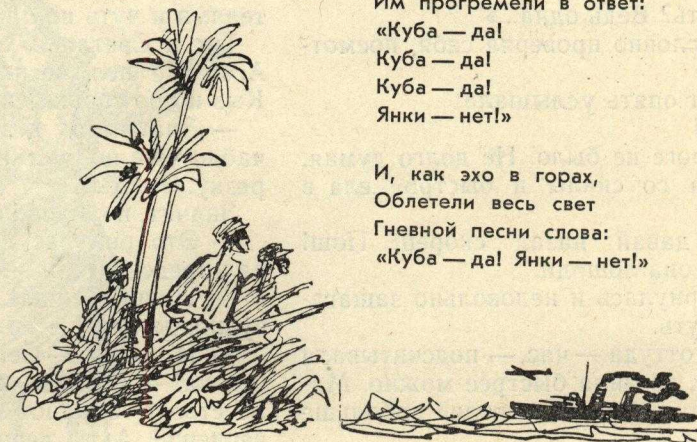
Нора Яворская

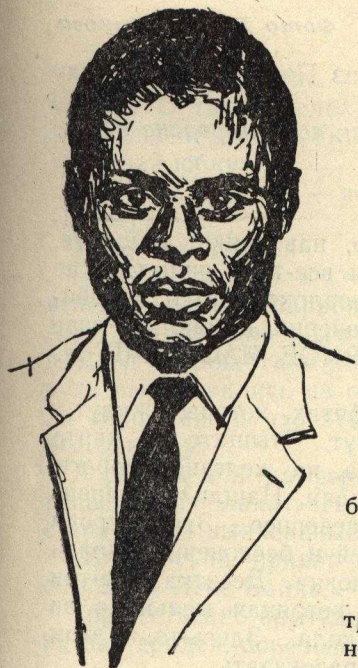
«Куба — да! Куба — да!
Куба — да! Янки — нет!»
Этой песней кубинцы
Встречают рассвет.
Эта песня
В Гаване
И в Сантьяго слышна.
Этой песней

Взрывается тишина
Там, где брать не желают
Заморских «щедрот»,
Там, где знать не желают
Заморских господ,
Где на плечи полей
Миллионами пик
Угрожающе
Сахарный вскинут тростник...

Приплыла из-за моря
Наймитов орда,
Чтобы песню свободы
Убить навсегда.
Но орудия
Им прогремели в ответ:
«Куба — да!
Куба — да!
Куба — да!
Янки — нет!»

И, как эхо в горах,
Облетели весь свет
Гневной песни слова:
«Куба — да! Янки — нет!»





Молодой человек, что смотрит на вас с рисунка, живет в Африке, в одной из стран, где африканцев называют еще рабами, где тысячи ваших чернокожих сверстников с утра до ночи работают на плантациях у белых хозяев. Этот человек борется за независимость своей страны, борется против колониализма. Он с удовольствием ответил на несколько вопросов нашей анкеты.

На вопросы пионерской книжки отвечает

...

Кто твой самый большой враг?

Самый смертельный враг тот, кто меня эксплуатирует, кто не хочет свободы моему народу. В настоящее время — это британский империализм.

Когда тебе было очень трудно?

У меня было столько трудностей, что я даже не знаю, когда мне было труднее всего. Мне очень хотелось учиться, получить хорошее образование, но мои отец и мать были бедны, а в нашей семье одиннадцать человек детей: семеро мальчиков и четыре девочки. Мы долго думали, как нам быть, и решили: будем учиться по очереди. Один учился — остальные братья и сестры работали и давали ему деньги на учебу. Так мы живем и сейчас. Скоро в школу пойдет моя самая маленькая сестренка.

И еще один трудный случай вспомнился мне. Однажды я возвращался с митинга, на котором мы с товарищами звали народ к борьбе за освобождение. На меня из-за угла напало много людей. Они били меня, выкрикивали ругательства, потом у одного в руке блеснул нож, и он три раза ударил меня ножом в колено. По счастью я не остался калекой, но помнить об этой схватке буду всю жизнь.

Назови три самых больших своих желания

Мое первое желание — чтоб не было на земле эксплуатации человека человеком.

Мое второе желание — чтоб не было на земле эксплуатации человека человеком.

Мое третье желание — чтоб не было на земле эксплуатации человека человеком.

Во что ты любишь играть?

Я очень люблю футбол. С мячом я играл с самого детства. Когда я стал взрослым, меня взяли в сборную команду нашего города. Один раз у нас был очень важный матч. Мы, африканцы, играли с командой британской армии. Можете себе представить, как мы хотели выиграть. И мы выиграли! Я даже помню счет — 3:1 в пользу нашей команды. Я чувствовал себя большим героем — мне удалось забить в ворота белых один гол.

Британцы играли в больших тяжелых бутсах, а мы — босиком. У нас не было денег на ботинки, но если говорить откровенно, то я думаю — они нам были не нужны: у детей Африки и без обуви крепкие ноги.

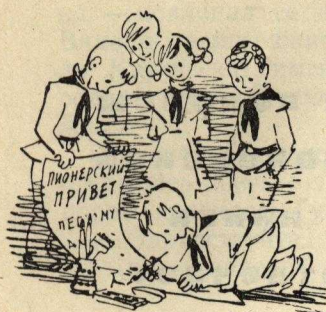
Расскажи о самом веселом событии этого года

Это случилось в вашей стране, ребята, на одной из улиц Москвы. Мне протянули что-то пушистое, белое и сказали, чтоб я ел. Я попробовал и сразу почувствовал, что мне стало очень сладко и холодно — даже в животе. Очень вкусная вещь — мороженое!

О красном вымпеле, пионерской почте

Б. Никольский

Фото В. Мартынова



В редакцию пришло письмо. Семиклассница из Перми Валя Павелкина пишет:

«Я никак не могу найти ответа на вопрос — как помочь стране в том, чтобы быстрее подойти к коммунизму?»

А правда — как?

Хорошо учиться? Но это всем и так ясно.

Собирать лом? Отыскивать макулатуру? Но, наверняка, в школе, где учится Валя, делают и то и другое. А Валя все-таки пишет: «...не могу найти ответа...» И сотни ребят, которые неплохо учатся и собирают лом, и носят в школу макулатуру, тоже, наверно, думают: «Разве это все? Должно же быть еще что-то самое ГЛАВНОЕ, НАСТОЯЩЕЕ».

Но что?

Вместо ответа мне хочется рассказать о ребятах, которые живут... Впрочем, попробуйте найти сами, где они живут. Отыщите на карте Целинный край. Теперь чуть левее Целинограда, на железной дороге, что ведет к Магнитогорску, найдите город Атбасар. Нашли? А теперь поднимайтесь на север от него. Севернее, еще севернее... Здесь, среди мелких степных речушек, среди ковыльных степей и бесконечных полей пшеницы, лежит маленькое село Ново-Палестиновка. Десятка два-три глиняных домов с плоскими крышами, старая ветряная мельница за околицей, маленькая — всего четыре класса — школа... Здесь-то, в этом селе, живут и учатся ребята, о которых я хочу рассказать.

НАШ ДРУГ ЛЕНЯ БАЙДА

В тот день комсомольское собрание в колхозе затянулось. Обсуждались дела на животноводческой ферме. А дела там были неважные. Не хватало доярок — и где их взять, неизвестно. Думали комсомольцы, спорили, а что тут придумаешь?

Вот тогда-то и поднялся шестнадцатилетний паренек Леня Байда.

— Пишите меня, — смущенно сказал он, — я пойду на ферму.

Кто-то хихикнул. Кто-то дернул его за рукав. Леня обернулся — сестра. Она покраснела и шептала сердито:

— Ты что — совсем сдурел? Хочешь, чтобы над нами вся деревня смеялась?

Леня насупился, повторил упрямо:

— Пишите.

С того дня и по

шел по деревне смехок: парень и вдруг доит коров — где это видано? Никогда не бывало такого в Ново-Палестиновке... Может, он скоро и юбку наденет?

Леня хмурился, отмалчивался, но было видно — нелегко парню.

Казалось бы — какое дело до всего этого пионерам? Смеются? — ну и пусть смеются...



И РЕБЯТАХ, КОТОРЫЕ НЕ УМЕЮТ СКУЧАТЬ

Только не понятно — почему же так получается? О таких делах в газетах пишут. Фотографии печатают. По радио передают. А тут «надевай юбку»?

— Как же так? — возмущались ребята. — Почему?

И вот однажды...

— Трам-та-ра-рам... — прогремела по деревенской улице барабанная россыпь. Запел горн. И торжественным строем — впереди алый выпел — прошагали ребята. Деревенские старухи высовывались из окон, удивлялись, качали головами: и что это нет им покоя? Куда это они идут?

А ребята шли на ферму. Пришли, волнуясь, развернули плакат. На плакате чуть косые, старательно выписанные буквы:

«Пионерский привет первому доюру — комсомольцу Лене Байда!»

Торжественно вручили красный выпел. Леня растерялся, порозовел от смущения и радо-

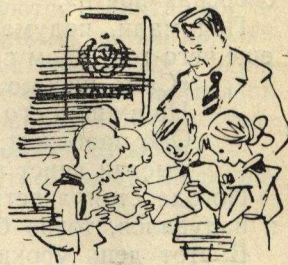
сти, хотел что-то сказать в ответ и не смог... Сбежались доярки, смотрели, перешептывались между собой.

На другой день только об этом и говорили по всей деревне: «Смотри-ка, нашему Лене какой почет!»

...Уже спустя полгода, Леня рассказывал директору школы Виктору Акимовичу:

— Знаете, иногда очень нелегко было, и бросить все хотелось. А как взгляну на выпел, на плакат, ребят вспомню — и стыдно перед ними становится... Думаю — а что они скажут?

Теперь уже Леня не одинок. Его примеру последовали и другие комсомольцы колхоза. Но по-прежнему на ферме, там, где работает Леня, висит красный пионерский выпел...



СЛАВА, СЛАВА ПОЧТАЛЬОНАМ!

Никогда не было почты в Ново-Палестиновке, не заходили сюда почтальоны с толстыми кожаными сумками, набитыми письмами, не спешили разносчики телеграмм. Ближайшее почтовое отделение — за двадцать с лишним километров. А весной да осенью эти двадцать километров вырастают в добрые сорок. Вот и получалось, что письма и газеты приходили в Ново-Палестиновку от случая к случаю. Подвернется попутная машина, скажут шоферу: «Передай-ка письмо в Ново-Палестиновку», возьмет шофер запечатанный конверт, спрячет в карман и — хорошо, если вспомнит, — передаст, а забудет — так и пойдет письмо гулять по степным дорогам...

Никогда не было почты в Ново-Палестиновке...

А ребята решили: «Будет!»

Съездил Виктор Акимович в почтовое отделение, в Покровку, договорился, привез оттуда почтовый ящик — самый настоящий, покрашенный в голубой цвет, с государственным гербом посередине и большими выпуклыми буквами: «ПОЧТА».

Почтальон Витя Швец принес письмо пенсионерке О. А. Осадчей. А теперь — дальше, прямо в поле, к комбайнеру Я. Я. Вундеру.

На другой день рядом с дверями школы ребята приколотили ящик. Повесили объявление:



«Внимание! С сегодняшнего дня при Ново-Палестиновской начальной школе работает пионерская почта».

Подумали, подумали — вроде мало. Нужно еще чего-то. Рядом прибили плакат:

«Само письмо никуда не пойдет,
Но в ящик его опусти —
Оно пробежит, пролетит, проплывет
Тысячи верст пути».

Погода стояла ветреная, и плакат трепетал и надувался, точно бумажный змей.

В этот день уроки шли плохо. Ребята всё тянулись к окнам, всё поглядывали на улицу.

На первой же перемене начальник почты Павлик Новиков бросился к почтовому ящику. Ключ, как назло, долго не хотел поворачиваться. Ребята столпились за спиной Павлика, торопили:

— Да открывай же скорее...

Ящик был пуст.

Вторая перемена — пуст.

Третья — пуст.

Уроки кончились — ребята не хотели расхотиться. А вдруг кто-нибудь принесет письмо? Виктор Акимович убеждал их:

— Нечего огорчаться... Не все сразу делается...

Но прошел второй день, третий — писем в ящике не было.

По-прежнему нетронутыми лежали журнал для регистрации заказной корреспонденции и самая настоящая почтовая сумка с замком.

Деревня не верила им. Деревня привыкла жить по-старому и отправляла письма, как раньше — с оказией, с попутной машиной — так, мол, привычнее, так надежнее...

Степной ветер трепал плакаты на стене школы. Потом прошел дождь, веселые буквы расплылись и стали тусклыми...

На пятый день Павлик Новиков ворвался в школу:

— Письмо! Письмо!

Новенький конверт с аккуратно наклеенной маркой переходил из рук в руки. Письмо торжественно под первым номером записали в книгу, потом упаковали в почтовую сумку и в тот же день с молоковозом отправили в почтовое отделение...

И никто не знал, что накануне вечером к Виктору Акимовичу заходил пожилой колхозник и долго расспрашивал: правда ли, что письмо дойдет, не потеряется ли, не перепутают ли чего-нибудь ребята — маленькие ведь все же... И Виктор Акимович долго убеждал его: дойдет, не потеряется, не перепутают...

Так начала работать пионерская почта.

И вдруг — новая беда — родители. К почте отнеслись по-разному. Одни хвалили: молодцы,

полезное дело делаете. Другие молчали: пусть забавляются. Третьи ругались: что даром-то обувь снашивать? За это денег не платят. Или вам больше других нужно?

Да, нужно.

Спорила с матерью Тая Дударева. Вся в слезах приходила в школу Нина Бородина. Ребята не сдавались. Почта действовала.

Почтальонами назначали только лучших. В любую погоду, в дождь и пургу, в мороз и ветер, почтальоны шли по деревне, стучались в двери: «Вам письмо». Их обязательно приглашали в дом, уважительно здоровались, расспрашивали, как дела, как лучше отослать посылку, какую марку приклеивать на авиаписьмо...

А ребята рассказывали о газетах, о журналах, на которые можно подписаться. Читали



Толя Трофименко и Лена Моор пришли навестить
„свою“ кукурузу.

вслух. И постепенно, от месяца к месяцу все тяжелее, все толще становились почтальонские сумки...

Всего пять человек выписывало раньше районную газету в Ново-Палестиновке.

Больше ста газет и журналов разносят теперь по домам ребята.

Уже два года действует пионерская почта. Уже уехал в далекую Башкирию первый начальник почты Павлик Новиков, не раз уже

сменялись почтальоны. А сколько писем прошло через почтовый ящик — не сосчитать...

Но по-прежнему волнуются ребята, доставая из ящика запечатанные конверты, по-прежнему торопятся доставить их адресату... И недаром самый «старый» почтальон Витя Самойленко на вопрос: «Почему тебе нравится быть почтальоном?» — отвечает:

— Просто очень приятно, когда люди радуются...

НЕ СКУЧАТЬ!

Вечером один за другим сходятся ребята в школу. Загорается зеленый глазок радиоприемника. Принимается за работу библиотекарь Люда Мойсеева. А потом вспыхивает лампа в проекционном фонаре — начинается киносеанс...

Нечасто заглядывает кинопередвижка в Ново-Палестиновку. Вот и надумали ребята устроить собственное кино. Купили фонарь, диафильмов... Сначала хотели просмотреть их все сразу — уж очень интересно, просто не терпится... А потом засомневались: посмотрим — а дальше? Новых-то нет... И решили: устраивать киносеансы через день...

Так и хранятся теперь баночки с диафильмами: те, что видели, — справа, те, что не видели, — слева...

Но диафильмы — не главное. Главное — оркестр.

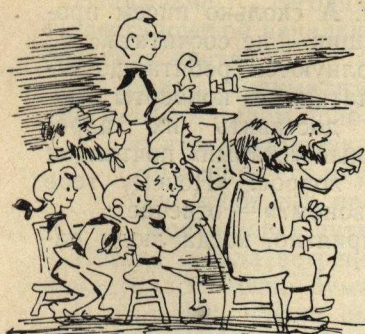
Инструменты подарил колхоз — новенькие, так и блестят.

Инструменты есть — а кто учить будет? Конечно — Виктор Акимович, кто же еще... Он и на гитаре умеет, и на балалайке, и на мандолине...

— Нет, ребята, — говорит Виктор Акимович, — на мандолине я не умею...

А ну-ка
еще разок





И как назло, оказывается, в деревне ни один человек играть на мандолине не умеет.

Взгрустнули ребята.

Только через неделю, как-то вечером, Виктор Акимович говорит:

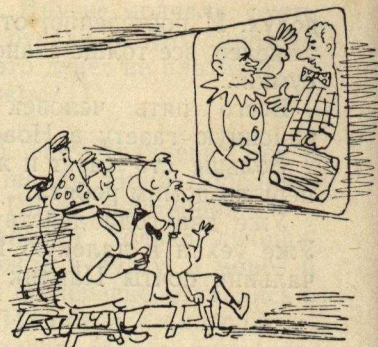
— А ну-ка, попробуем, — и берет в руки мандолину.

— Зачем же вы нас обманывали? — смеются ребята.

— Я не обманывал, — смеется Виктор Акимович.

Оказывается, он в субботу на попутной машине ездил в соседнее село за двадцать километров — брать уроки на мандолине... Так и пошли репетиции: сам поучится — ребят поучит...

Зато теперь ни один концерт в клубе не обходится без струнного оркестра...



* * *

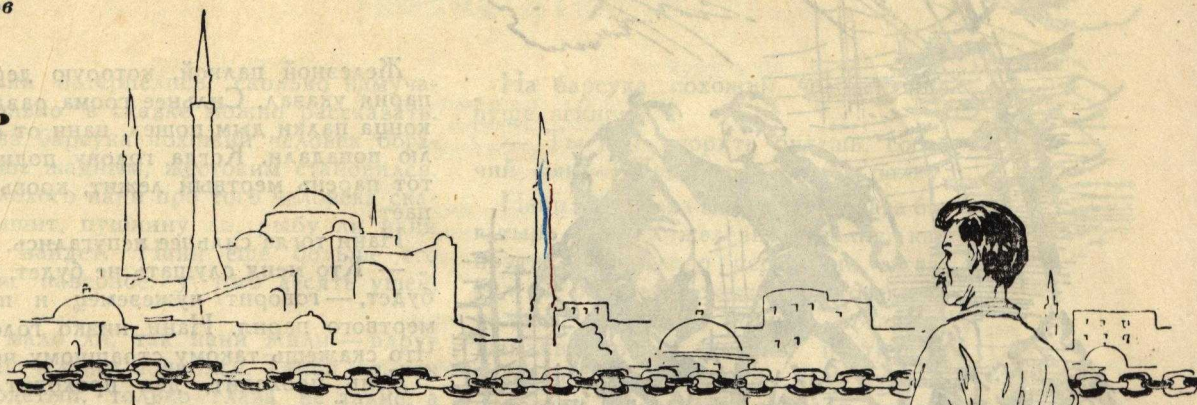
Вот и все, что мне хотелось рассказать о ново-палестиновских ребятах. Не знаю, как вам, но мне кажется, что они «помогают стране быстрее подойти к коммунизму».

Никогда не быть равнодушным. Не проходить мимо несправедливости. И всегда стараться сделать так, чтобы люди радовались. Разве это не самое главное?



Вот они пионеры из Ново-Палестиновки. Вместе с ними их старшие друзья — учитель В. А. Огневой и пионервожатая доярка Таисия Горошенко.

БОСФОР



На Босфоре берега гористы.
Кипарисы. И сирень, сирень...
Словом, все, что надо для
туристов,
тех, что за границей первый день.

Но при всем его великолепии
поневоле омрачится взор:
на буграх подвешенною цепью
перехлестнут поперек Босфор.

Верил, что об этом позабуду,
отмахнусь, как от дурного сна...
О, пролива голубое чудо,
легких минаретов белизна!
Но потом, когда я был в Стамбуле,
задыхаясь в зное и пыли,

я увидел на одной из улиц,
как жандармы узника вели.

Мы, сурово замолчав, глядели
не из любопытства одного,
как светло наручники блестили
на худых запястьях у него.

По камням железными шипами
глухо простучали сапоги,
и невольно замедляет память
их тяжеловесные шаги...

Красота в Стамбуле на Босфоре,
свет зари лежит на куполах!..
Я увидел запертое море,
я Босфор увидел в кандалах.



ЗООСАД

Наступит ночь, и станет тихо
в зоологическом саду,
задремлет чуткая волчиха,
заснет, нахохлясь, кокаду.
Мартышка, зябко съежив плечи,
полуоткрыв широкий рот,
почти совсем по-человечьи
с ладонью под щекой уснет.

И зебры у себя в загоне,
тоскуя о раздолье трав,
стоят, как спутанные кони,
друг друга шеями обняв.
Лишь царь зверей все не ложится,
но я его и не корю —
пускай рычит! Ему не спится,
как, впрочем, всякому царю.



Рисунки В. Бескаравайного



Ульчская сказка

А. Вальдю

Рисунки В. Фирсовой

Когда это было — никто не помнит, я рассказу — сами догадаетесь. В своей земле, где они родились, нани — так называют себя ульчи — дружно жили, друг друга не обижали. Сколько так нани жили, — даже старики не помнят. Но вот однажды к нани с чужих земель злой человек приехал. Глаза, как угли, на макушке волосы, как змеи, вьются, в шелковый халат одет, сам толстый, как осенний барсук. Собрал он всех нани, говорит:

— Ну, меня хорошо слушайте. С нынешнего дня я у вас хозяином буду. Кто мои слова слушать не будет, — тому плохо будет. Вся эта земля, где вы живете, сейчас моя земля.

Нани удивились. До этого у них никакого хозяина не было. Не понимают, зачем им хозяин.

Один смелый парень говорит:

— У нани до этого никакого хозяина не было. Здесь земля наша, мы никого не знаем.

На барсука похожий человек рассердился, как котел закипел:

— Ты, собачий сын, спорить со мной будешь?

Железной палкой, которую держал, на того парня указал. Сильнее грома раздался звук, из конца палки дым пошел, нани от страха на землю попадали. Когда голову подняли, увидели: тот парень мертвый лежит, кровь из груди капает.

Нани тогда сильнее испугались.

— Кто меня слушать не будет, с ним вот так будет, — говорит чужеземец и показывает на мертвого парня. Нани низко голову опустили. Что скажешь такому страшному человеку?

День проходит, два проходит — на барсука похожий человек к себе нани зовет. Нани пришли.

— Вот если через десять дней не принесете мне пятьдесят орлиных хвостов, — всех вас убью, — говорит он.

Что поделаешь? Нани за девятью сопками, за сорока ма́рями, за семью морями орлов добывают. Пятьдесят орлиных хвостов кое-как раздобыли, чужеземцу принесли. За орлиные хвосты на барсука похожий человек нани ничего не дал.

День живут нани, два живут, пять живут — тот человек их к себе зовет.

— Через десять дней сто соболей мне не принесете, — всех вас убью, — говорит он.

Что сделаешь? Нани за девятью сопками, за сорока ма́рями, за семью морями на соболей охотятся. Кое-как добыли соболей. На барсука похожему человеку принесли. Глаза у него сделались, как у кошки, которая мышь увидела.

Спрятал он соболей в мешок, крепко завязал. Потом работников своих позвал, велел полкуля пшена принести. Пшено бросил нани:

— Нате, разделите между собой, жрите.

Нани боятся, ничего не говорят, взяли пшено.

Мало ли, много ли живут нани — чужеземец их к себе зовет.

— Через десять дней двести штук чернобурых лисиц не принесете, — я вас всех убью, — сказал он.

Что нани делать? Они за девятью сопками, за сорока ма́рями, за семью морями на чернобурых лисиц охотятся. Кое-как двести чернобурых лисиц убили. Тому человеку принесли.

У того человека глаза, как у змеи, которая пташку увидела, сделались. Шкурки чернобурок спрятал в мешки, сам крепко завязал, работников позвал, велел куль пшена принести. Нани ничего не говорят, боятся. Мешок взяли.

Много ли, мало ли времени прошло — нани совсем плохо жить стало. Всю пушнину, всю рыбу на барсука похожий человек отбирает.

Нани с ним спорить начнет — он его бьет, нани ругаться с ним начнет — он его убьет.

Сколько нани натерпелись, сколько намучались — это только в сказке можно рассказать. Чем больше на барсука похожий человек богател, тем больше жадным, жестоким становился. Что-нибудь плохого нани про того человека скажет, тот услышит, пушнину ли, рыбу ли нани спрячет — все найдет. Нани еще больше его бояться стали: наверное, у того десять ушей, десять глаз.

Много ли, мало ли, так нани жили — вдруг среди них один человек появился. Такой же, как все, просто одетый, только глаза не такие, а особенные, смелые. Откуда он взялся — никто не знает. Скоро по стойбищам слух, как птица, пролетел, что этот человек против царя поднялся, за это его руки железом скрутили, на остров Сахалин отправили. Но он богатырскую силу имел, железо разорвал, плот построил, на том плоту море переплыл, к нани попал. Хорошим человеком оказался. Никого не обижает, нани в работе помогает. Они сильно его полюбили. Хотели его спрятать, чтобы на барсука похожий человек не узнал. «Не надо», — говорит.

— Он тебя убьет, — говорят нани, — у него десять ушей и глаз, страшная палка у него есть.

— Я его не боюсь, — отвечает он, — и вы зря его боитесь. Вам всем вместе против него надо встать. А десять ушей и десять глаз его — это ваши шаманы и богачи.

Узнал на барсука похожий человек про прищельца, от злости вскипел. Приказал работникам найти и к себе привести. Но тот сам к чужеземцу пошел. «Пропал», думают нани, сами копья, стрелы взяли, за деревьями спрятались. Сидит на барсука похожий человек, трубку покуривает, железную палку держит. Прищелец подошел к нему. Тот человек волчьими глазами на него смотрит.

— Зачем ты, собачий сын, в мою землю пришел? — шипит на барсука похожий человек.

— Это земля не твоя, это земля нани, — спокойно говорит тот, — я к нани как добрый гость пришел. А вот ты зачем обижаешь нани?

На барсука похожий человек еще пуще вскипел:

— Ты еще спорить будешь, собачий сын! — Поднял железную палку.

Нани от страха закрыли глаза, а богатырь вырвал железную палку, как пруттик об колено переломил, схватил на барсука похожого человека за волосы, на воздух поднял. Богачи и шаманы хотели стрелы пустить в богатыря, но нани у них стрелы отобрали, веревками связали и бросили к ногам прищельца-богатыря. Лежит у ног богатыря перепуганный на барсука похожий человек вместе с богачами и шаманами. Обрадовались нани, жмут руки спасителю своему.

Свистнул богатырь и топнул ногою о землю, свистнули нани и разом топнули о землю. Такая буря поднялась — никогда нани не видели такой бури. Подхватила та буря жадного человека, богачей и шаманов, покружила их в воздухе, как осенние листья, и забросила за сорок миль, девять сопок в море, — никогда оттуда больше не вернутся.

Топнул богатырь о землю, топнули нани — небо очистилось, показалось ясное солнце — никогда нани такого не видели. Заулыбался Амур, запели птички, зашелестели листья на деревьях: радуются ясному дню.

— Возьмите все богатство жадного человека себе, это ваше, — говорит богатырь нани.

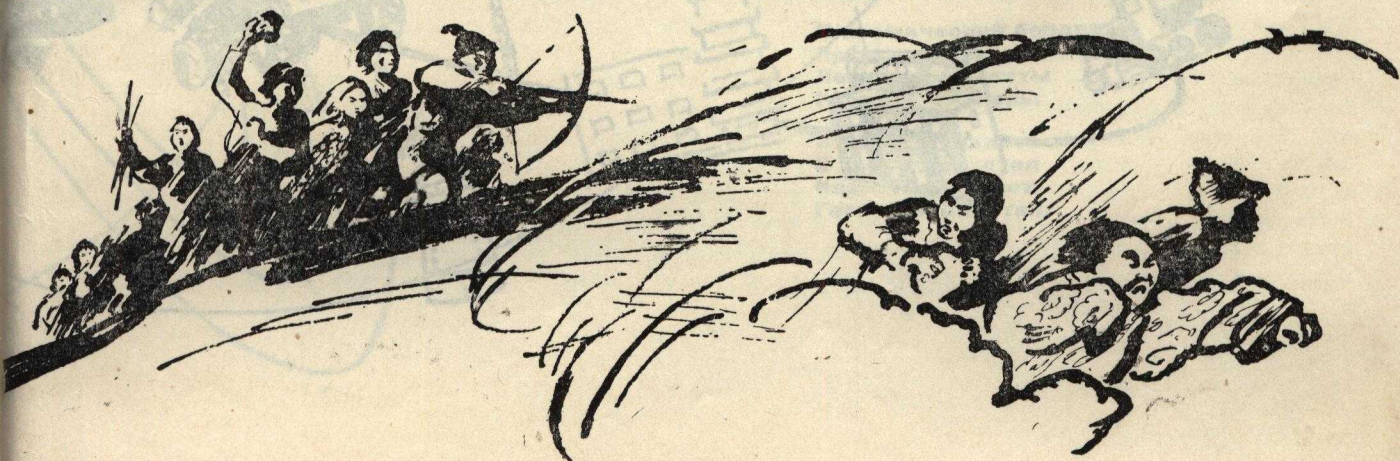
На глазах нани слезы показались.

— Спасибо, скажи только нам, кто ты такой?

— Я такой же бедный человек, как вы, только я — коммунист.

Так впервые нани и работники слышали это слово, услышав, запомнили на всю жизнь это самое светлое слово.

С тех пор много времени прошло. Теперь самые лучшие нани сами коммунистами стали. Знают теперь нани: это слово ходит по всей земле, зовет людей к добру, к счастью.



ОРБИТА СЛАВЫ

Игн. Ивановский

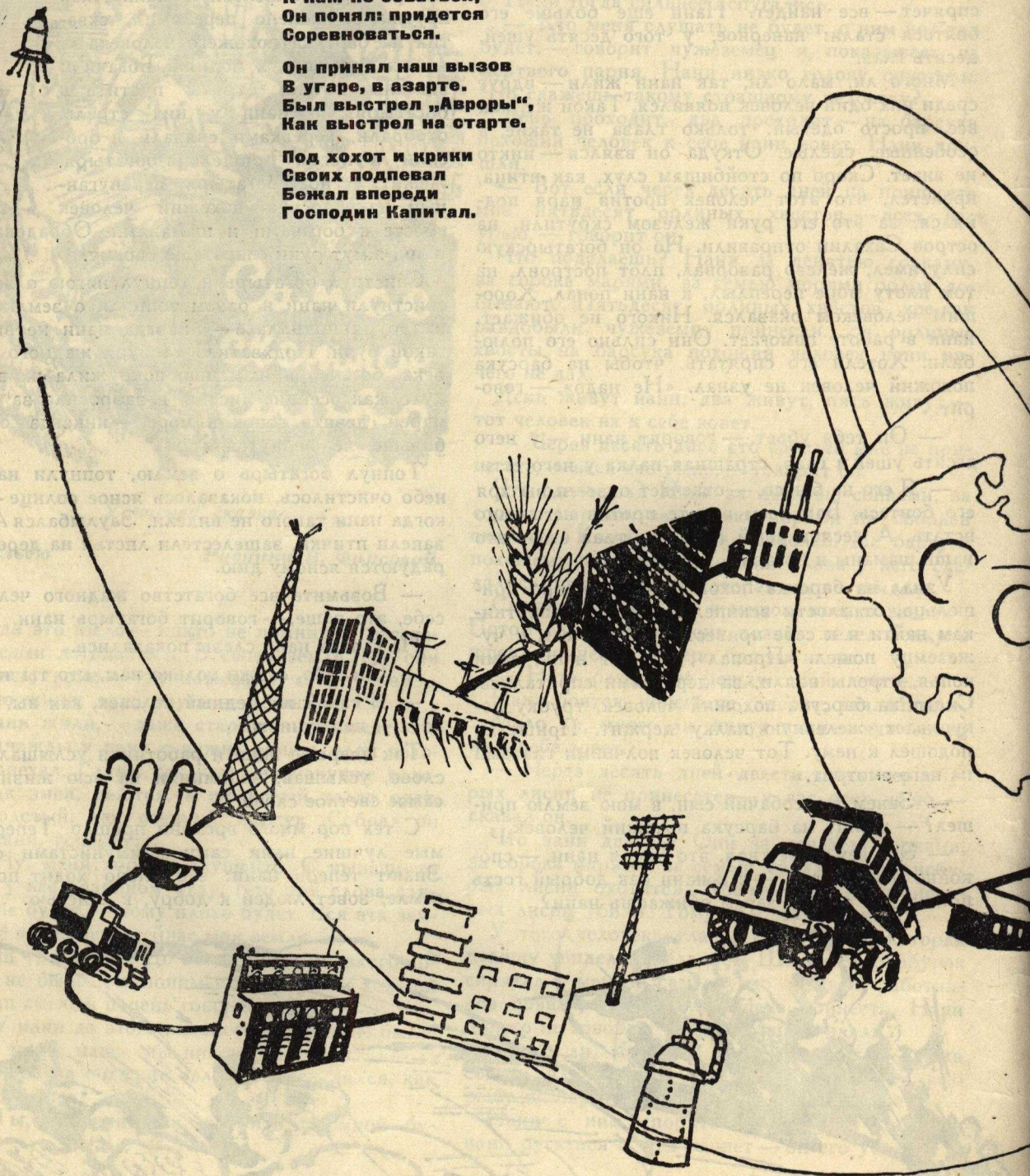
Рисунок Януса

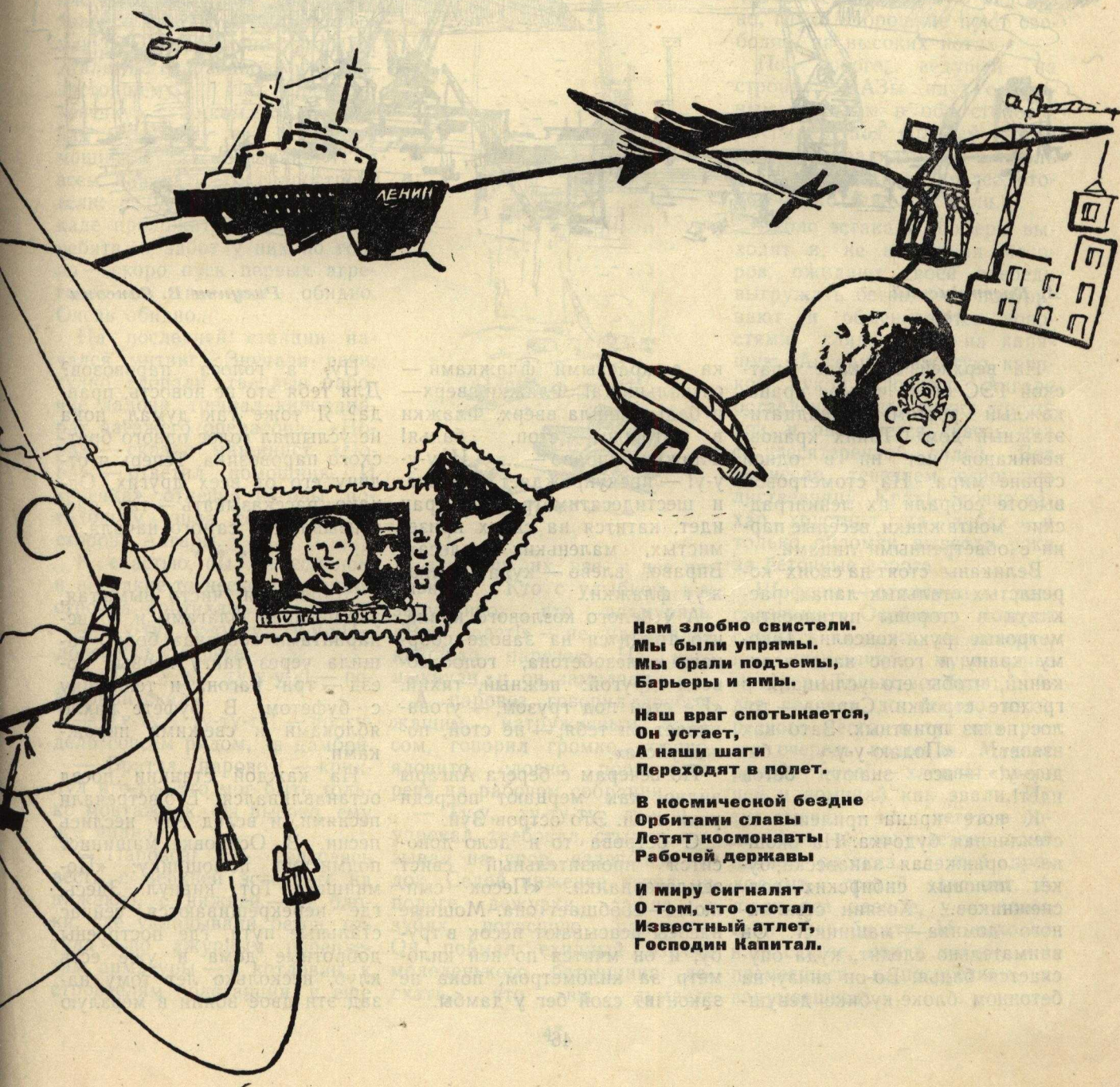
Он старый наш враг,
Господин Капитал.
Он кровью и голодом
Нас испытал.

Он понял, что с бомбами
К нам не соваться,
Он понял: придется
Соревноваться.

Он принял наш вызов
В угаре, в азарте.
Был выстрел „Авроры“,
Как выстрел на старте.

Под хохот и крики
Своих подпевал
Бежал впереди
Господин Капитал.





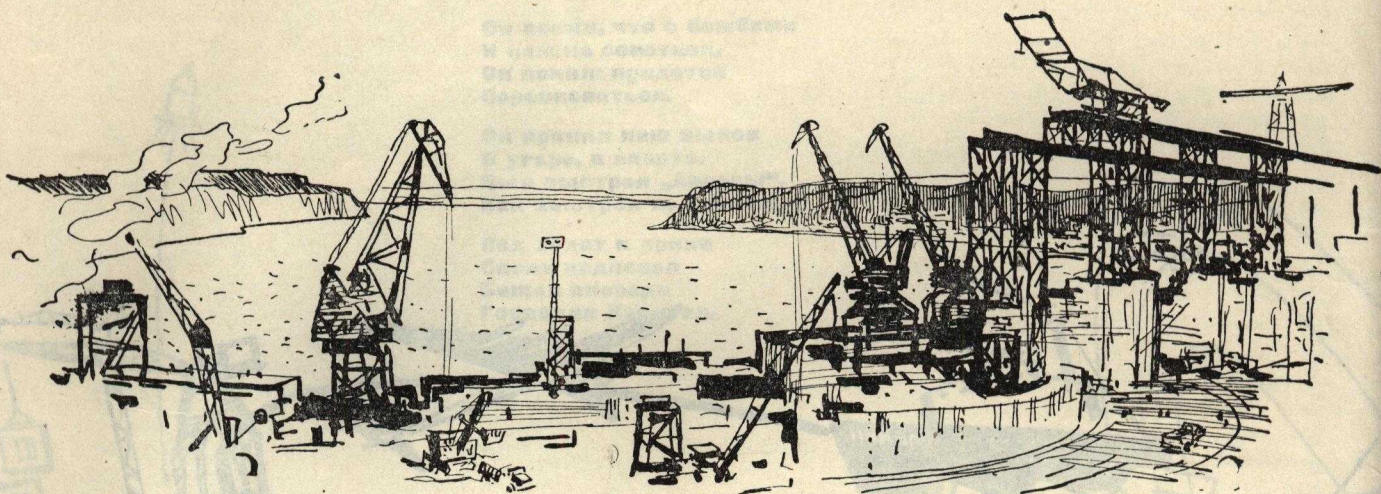
**Нам злобно свистели.
Мы были упрямы.
Мы брали подъемы,
Барьеры и ямы.**

**Наш враг спотыкается,
Он устает,
А наши шаги
Переходят в полет.**

**В космической бездне
Орбитами славы
Летят космонавты
Рабочей державы**

**И миру сигналист
О том, что отстал
Известный атлет,
Господин Капитал.**

В КРАЮ ЖИВЫХ ЛЕГЕНД



А. Крестинский

Рисунки В. Саксона

На верхней эстакаде Братской ГЭС стоят четыре крана, каждый ростом с двадцатитажный дом. Таких кранов-великанов нет ни в одной стране мира. На стометровой высоте собрали их ленинградские монтажники, веселые парни с обветренными лицами.

Великаны стоят на своих коленастых стальных лапах, раскинув в стороны пятидесятиметровые руки-консоли. Такому крану и голос надо великаний, чтобы его услышали в грохоте стройки. Сирена — голос не из приятных. Зато как взвояет: «Подаю-у-у-у бадью-у!» — все знают: бетон идет!

К ноге крана прилепилась стеклянная будочка. На окошке — оранжевая занавеска, букет лиловых сибирских подснежников... Хозяин стеклянного домика — машинист. Он внимательно следит, куда опускается бадья. Во-он внизу на бетонном блоке-кубике девуш-

ка с красными флажками — сигнальщица! Флажки вверх — и бадья пошла вверх. Флажки в стороны — стоп, бадья! Флажки вправо — ... — Иду-у-у! — предупреждает сирена, и шестидесятиметровый кран идет, катится на своих приземистых, маленьких колесах. Вправо, влево — куда прикажут флажки.

А у белого козлового крана, что трудится на заводе сборного железобетона, голос совсем другой: нежный, тихий. «Не стой под грузом, — уговаривает он тебя, — не стой, пожалуйста».

По вечерам с берега Ангары видно, как мерцают посреди реки огни. Это остров Зуй.

С острова то и дело доносятся пронзительный свист землечерпалки. «Песок сыплю!» — сообщает она. Мощные насосы всасывают песок в трубу, и он мчится по ней километр за километром, пока не закончит свой бег у дамбы.

Ну, а голоса паровозов? Для тебя это не новость, правда? Я тоже так думал, пока не услышал голос одного братского паровозика. Теперь я отличу его от всех других. Однако рассказывать — так рассказывать: с самого начала.

* * *

Старенькая, чисто вымытая, украшенная флагами и транспарантами «овечка» бодро тащила через тайгу первый поезд — три вагона и теплушку с буфетом. В буфете пахло яблоками и свежими пирожками.

На каждой станции поезд останавливался. Его встречали песнями, и вслед ему неслись песни. В Осиновке машинист подмигнул помощнику: «Помнишь?» Тот кивнул. Здесь, где перекрещиваются сейчас стальные пути, где построены добротные дома и уже есть клуб, несколько лет тому назад эти двое вбили в мерзлую

землю осиновый кол, натянули палатку, и тот, что постарше, сказал: «Тут будет станция Осиновка.» «Нехай будет!» — в тон ему ответил другой. А теперь во всю стену свеже-тесанного станционного здания надпись: ОСИНОВКА.

Машинист и его помощник помнят пятидесятиградусные морозы, долгожданные вертолеты с провизией, драгоценную воду... Ее привозили в цистернах, на тракторах, пробиваясь сквозь таежную глухомань. И вот, наконец, победа! Жаль, не отпраздновать ее по настоящему. Не провести «овечку» с шиком, с форсом над Ангарой, не услышать мощное «ура» котлована. И во всем виноваты эти гидростроители: не успели путь на эстакаде проложить. Хорошие они ребята, и забот у них по горло — скоро пуск первых агрегатов — а все-таки обидно. Очень обидно.

На последней станции начался митинг. Звучали речи, гулко хлопали твердые рабочие ладони, трещал киноаппарат заезжего оператора. «Пора», — сказал машинист. «Пора», — ответил помощник. И «овечка», отцепив вагоны, потихоньку ушла со станции в сторону Ангары.

К счастью, был пересменок, и на какие-то несколько минут стройка притихла.

— Ту-ту, ту-ту-ту, ту-у-у! — донеслось с берега.

— Ту-у-у-у, ту-у-у-у! — повторили скалы.

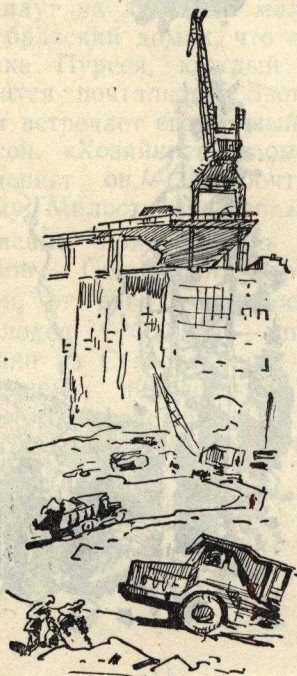
— Ту-ту, ту-ту-ту! — прогу-дело совсем рядом, за дамбой.

— Братва, паровоз! — крикнул кто-то. Это мог быть только монтажник. Он высоко, ему все видно.

— Паровоз! — понеслась весть с верхней эстакады на нижнюю, с нижней — на блоки, где укладывали бетон, оттуда — по ажурным переплетам арматуры — в котлован, к строителям подстанции, и еще

ниже, в тоннель — к проходчикам, врубающимся в диабазовую скалу.

Радиоузел стройки, как всегда, запоздал. Когда невидимая девушка сказала: «Товарищи строители! На берег пришел паровоз с Лены!» — это было уже лишним. Люди поморщились и отмахнулись — радио мешало слушать гудки.



А слушали их все и все по-разному. Кто с улыбкой, кто задумчиво, кто нахмуясь. «Вот дает!» — не удержался какой-то паренек. На него цыкнули, и он замолчал.

А паровоз говорил дребезжащим, натруженным голосом, говорил громко, горячо, ядовито, словно произносил речь на рабочем собрании.

— Ту-у, ту-ту-ту, ту-у-у! — упрекал, требовал, стыдил, вызывал на спор, издевался гудок. Седой инженер стоял на пороге дежурки, зажав в зубах погасшую папиросу. Он поймал ехидный взгляд молоденького бетонщика: дескать, что вы думаете

по этому поводу? — и сказал:

— Хорошо агитирует старик. Темпы, ребята, темпы...

Слышал ты когда-нибудь МАЗы? В Братске этих машин видимо-невидимо. Когда они выходят на работу, гул стоит, как на аэродроме.

Голоса у МАЗов разные. Те, что с бетоном, режут надсадно, глухо. Порожние поют свободно, на высоких нотах.

По дороге, ведущей на стройку, МАЗы идут сплошным потоком в обе стороны. Сверкают под солнцем белые зубры на радиаторах, и вдоль всей дороги, застилая лес, стоит облако тяжелой пыли.

Около эстакады шоферы выходят и, не выключая моторов, ожидают своей очереди выгружать бетон. Они покуривают и обмениваются новостями, глядя вниз, на кипящую Ангару, зажатую крепкой рукой плотины. Ангаре оставлено шесть узких проходов, и она рвется сквозь них с удесятенной силой. Вот принесло течением огромную листовницу. Крак! — точно сахар хрустнул на зубах — и только обломки вынесла река за бетонные ворота.

Шоферы — отличные рассказчики. Особенно хорошо слушать их здесь, на ветерке, под неумолчное мурлыканье моторов. Только вот беда: дойдет человек до самого интересного места, а тут как раз его очередь подошла. Махнет рукой: пока! — хлопнет дверцей и поминай как звали. Их тут тысячи — ищи ветра в поле. Вот и получается: один начнет рассказ, другой продолжит, третий закончит. А люди все разные, у каждого свои подробности. И выходит в рассказе, как в жизни, — и посмеешься, и погрустишь, и задумаешься...

* * *

Редко кто зовет его по имени-отчеству, многие даже не знают фамилии. «Дедушка», «наш дедушка» — так говорят всюду: на Постоянном, в поселке гидро-энергетиков, в Новом Братске. Если ты захочешь узнать, чем он знаменит, останови любого мальчишку, любую девчонку — они расскажут. А главное — покажут. Они проведут тебя по немощеным улицам поселка, мимо строящихся домов и свежих фундаментов, заставят несколько раз пробалансировать над глубокими рвами подземных коммуникаций и, наконец, выведут на чистую зеленую поляну, окруженную соснами. Вот!

Над поляной на мощных стропях взмывает вверх остроносая синяя лодка. Р-раз — два-а! — рассекает воздух ее длинное тело. А ребятшек-то на борту! Рядом дикий карусели, ярко раскрашенные, с веселым петухом на вершине мачты. Качающийся пароход — с поручнями, трубой, капитанским мостиком. Горка, турник, терем-теремок, в котором может поместиться целая октябрятская звездочка, и, конечно, песочница, для самых маленьких. Весь этот неожиданный городок летает, кружится, катится, хохочет, поет, галдит...

— Вот. Это он строил. А мы помогали, — скажут провожатые.

Мне не довелось увидеть «дедушку». Я даже не знаю, какой он. Говорят, ворчливый. Говорят, что его боятся начальники. Попробовал один не дать гвоздей для новой карусели, — старик рассердился и обозвал его бюрократором. Рассказывают, что этим «бюрократом» был ни кто иной, как сам Евгений Петрович Верещагин — дедов сын.

Однажды я ждал автобуса в поселке энергетиков. Был холодный ветреный день.

Снежная крупа стучала в стены маленькой дощатой будки. Автобусы в Братске ходят редко, и я подумал, что не будь этого «зала ожидания», плохо пришлось бы людям, стоящим на остановке. Промокли бы, продрогли на вет-



ру. Потом я узнал, что эту будочку, сколоченную из обрезков старых досок, построил тоже дедушка Верещагин.

* * *

МАЗы не спят по ночам. Без устали гудят они за окном и прочерчивают на потолке моей комнаты широкие голубые полосы. Полосы движутся, пересекают потолок слева направо — машины идут на ГЭС. Встаю, одеваюсь. Разве унести в такую ночь?

...Отороченные желтыми, зелеными, белыми огнями коньсолевые краны, увенчанные красными — макушки порталных, мерцающие голубыми — блоки плотины, прожектора, вырывающиеся из тьмы медлен-

но плывущую бадью; котлован, похожий на звездное небо, — столько там света, фары машины, мчащейся по правому берегу, словно два спутника, идущие на одной скорости, по одной орбите. Сказка...

Грозно взревев, МАЗ начинает последний подъем. Поворот, еще поворот, дорога круто уходит вниз, гремит досками временного моста, и вот она, сказка — рядом!

Такой же ночью, где-то здесь, не то в котловане, не то в звенящей телефонами избушке комсомольского штаба узнал я еще одну живую легенду...

* * *

Врачи запретили Оксане много ходить. — Нужен режим, — говорили они, — и покой.

Болезнь ног началась давно и отступала медленно. Волейбол, плавание, велосипед — все запрещено, все не для нее. С этим трудно смириться, когда тебе тринадцать.

Но Оксана не могла усидеть дома. Вместе с подругами она собирала подписи в защиту героя Греции Манолиса Глессоса.

Услышав ее голос, сварщики тушили на время свои голубые звездочки, подымали щитки, щурясь, глядели на бумагу. Машинисты кранов вытирали ветошью руки и брали в узловатые пальцы карандаш. Насмешливые парни с котлована спрашивали ее, как старшую:

— А за друга можно поставить подпись? Он в армии служит...

Она уходила, медленно ступая, а парни задумывались о далеком городе Афинах и черноглазом герое Акрополя.

Мало кто знал в то время, что не всем по душе эта девочка и ее доброе дело. В Братске появились сектанты-иеговисты. Они прислали Оксане длинное путаное письмо.

Оксана от души смеялась, читая полуграмотный бред — основы их «учения».

Быть может, иеговисты хотели затянуть ее в свои сети? Не за этим ли приходили они однажды к ней домой? Оксана была в школе, а когда вернулась, взрослые скрыли от нее подробности визита, только стали заботливее и не очень-то охотно отпускали ее одну.

А потом звонок по телефону: «Не забыли иеговистов?» — и молчание. Трубка на том конце положена. Тревожные короткие гудки стучат в ухо.

И, наконец, записка. Оксана нашла ее на крыльце. «Кончи подписи собирать, а то совсем без ног останешься!»

Подлая угроза! Но Оксана не из робких. Она продолжала собирать подписи, ходила в школу и училась кататься на коньках.

...На катке было много народу. Музыка, смех, фонарики весело подмигивали: не робей!

Оксана делала первый осторожный круг, когда ей сзади подставили ногу. Скрежет конька по льду, вихрь снежной пыли, растерянные лица подруг. А потом больница. — Перелом, — сказали врачи. И досталось-то на беду левой, больной ноге...

Сейчас Оксана Костюченко далеко от Братска. Она лечится в Ленинграде, и дела у нее идут на лад. А в маленький братский домик, что в переулке Пурсея, каждый день стучится почтальон. Звонким лаем встречает его черный пес Гарсон. «Хозяйки нет дома, — объясняет он, — но почту я приму. Милости просим...»

Письма приходят со всех концов Союза, из других стран, от ребят и взрослых. «Молодец, Оксана! — пишут моряки из Севастополя. — Это по-нашему, по-флотски!» Из далекого псковского села прислал Оксане свои стихи Боря Егоров.

*«Я хочу находиться там,
где труднее всего.
За народ свой я жизнь*

отдам,

за счастье его».

Я читаю стихи, письма, адреса на конвертах, и комната наполняется голосами хороших людей.

* * *

Над Ангарой повис зеленый кузнечик-вертолет. Поглядел-поглядел на стройку — все в порядке. Каждый на своем месте, каждый спешит кончить работу в срок. И взял вертолет курс на север, вверх по Ангаре, туда, где за дальними порогами, за дремучей тайгой, работают разведчики-геологи на месте будущей Усть-Илимской ГЭС.

Я слушал мирный стрекочущий голос вертолета и, знаешь, о чем я подумал? Ведь это будет твоя, да, твоя стройка. Ты как раз вырастешь и подоспеешь к ней. Расти скорей, дружище!



ЛЮБКА-АРТИСТКА

И. Домнин

Рисунки А. Кора

Иван Афанасьевич Домнин живет во Львове, работает директором школы.

В годы войны Домнин партизанил в Донбассе.

Послушайте, о чем он рассказывает.



У подножья Лысой горы, на тенистой поляне, окруженный цветниками, стоял дом отдыха трудящихся Ворошиловграда.

Осенью 1941 года в этом сказочно красивом уголке появились люди с суровыми лицами. Они съехались не отдыхать. Это были будущие разведчики, связисты, вожаки партизанского движения.

Поздним вечером у шлагбаума человек в гражданской одежде проверил наши документы и гостеприимно спросил:

— Уморились?

— Есть немного хочется.

— Покормим. Петро! Проводи.

В столовой Петро окликнул молоденькую девушку с красной повязкой на руке:

— Люба, покорми товарищей. Из Сибири приехали.

— Из Сибири? — заулыбалась девушка. — Я сибиряков не видела. Вот они какие! Ну, садитесь, — и стала помогать накрывать столы.

Назавтра мы встретились снова. Начались занятия. Я обучал радистов. Среди моих курсантов оказалась и Люба.

Я сразу запомнил ее и отличил от других. В те грозные дни нам всем было не до себя. Для работы не хватало суток. А Люба чудом, неизвестно когда, успевала привести в порядок свою огненную прическу и отгладить платье и даже подкрасить тонкие губы.

На упреки по поводу такого легкомыслия она отвечала:

— А что в этом плохого, дядя Гриша? Если война, так мы должны быть оборванными и грязными?

А тем, кто помоложе, с ироническим смехом предлагала:

— Друзья! Давайте с завтрашнего дня перестанем улыбаться и назло врагам создадим боевое общество нерях. Кто первый? Ты, Николай?

Поднимался общий хохот. Николай Зайцев, действительно, был одним из тех, кто очень мало следил за собой. А Люба, сжавшись, уже предлагала:

— Давайте споем!

И тут же голос ее взлетал и поднимал за собой другие. В несню включался мрачный дядя Гриша, пел только что введенный в раску Зайцев, пели все.

Ей часто говорили:

— Какая из тебя партизанка? Тебе артисткой надо быть!

— Не получилось. Хотела поступить в Ростовский театральный техникум, да война помешала.

— Ничего. Что артистка, что радистка — какая разница? — шутил лучше всех знавший Любу Сергей Левашов.

Он не раз вспоминал, с каким успехом выступала Люба в концертах на призывных пунктах, на шахтах, в колхозах и совхозах. От него же мы услышали, что она окончила краткосрочные курсы медсестер и рвалась на фронт, но по годам не подошла и поступила в партизанскую школу.

Быть радистом в тылу врага — дело ответственное. Нередко от радиста зависит жизнь целого отряда. Радист должен не только уметь вести двустороннюю связь, но и в совершенстве владеть техникой аппаратуры, на ходу устранять ее неисправности. Он обязан работать четко и быстро, иначе его рация будет запеленгована и откроет противнику местоположение отряда.

Для всего этого нужны знания.

Знаний Любе часто не хватало: она окончила только семь классов. Зато энергия и упорство у нее были неиссякаемые.



— Всем ясно? — спрашивал я после объяснения.

Она зло кусала губы.

— Всем, да не все.

Приходилось объяснять снова. И опять она злилась на себя, и опять задавала вопросы, входящие и не входящие в программу.

— Что, Люба? Радиотехника — это тебе не гитара, — ехидничал Зайцев.

— На гитаре тоже надо уметь играть. Кроме того, между прочим, хороший слух для радииста главное. А вам, говорят, на ухо медведь наступил. Правда это?

Язычок у нее был острый, а слух, действительно, на редкость развитый.

С первых дней ученья она научилась различать знаки азбуки Морзе по их звучанию. Сочетание точек и тире в цифре 2 для нее звучало фразой «Я на горку шла», в цифре 3 — «Идут радисты», в букве А — «Ти-та́», в Н — «Та́-ти» и так далее. И чем больше она упражнялась, тем лучше отличала один знак от другого, а от этого зависела быстрота, а главное, качество приема и передачи.

Однажды группы курсантов с посредниками-старшими разошлись в разные стороны, чтобы установить между собой радиосвязь. Любе вручили рацию с бракованными лампами, истощенными батареями и разъединенными контактами наушников. Все это было по секрету подстроено мной: пусть разберется.

— Ну, Люба, разворачивай станцию. До начала связи меньше часа.

Место выбрала хорошее. Антенну установила правильно, все сделала, как нужно. А рация не работает.

— Опять что-нибудь схитрили?

— Что вы, Люба. Разве можно? Помочь?

— Нет, сама попробую.

Открывает заднюю крышку, щупает контакты, проверяет питание. Заменяла лампы. Обнаружила и устранила неисправность в наушниках. А рация по-прежнему не дышит. Нет отдачи в антенну.

— Накальное напряжение село, — с горечью заявила Люба. И, увидев идущую невдалеке по дороге автомашину, громко закричала:

— Вася! Остановись!

Знакомый паренек — шофер легкового автомобиля — остановился.

— Дай подключиться к аккумулятору. Станция не работает.

— Надолго?

— Нет, минут на десять.

— Только не больше.

Он открыл капот. Люба развернула изолированный провод и со скоростью опытного монтера подключила напряжение к передатчику.

— Отдача в антенне отличная, аппаратура готова к связи, — доложила она.

— Ну, что ж. За отличное овладение радиотехникой — пять с плюсом. А шофер пусть едет. У нас есть запасные батареи.

Люба посмотрела на меня и укоризненно покачала головой:

— А еще говорили, что сибиряки добрые люди...

Но тут же довольно улыбнулась.

Настало время связи. И с этой задачей Люба справилась блестяще.

...Та ночь по сравнению с прошлыми была еще более тревожной. Где-то совсем близко рвались снаряды, от тяжелых бомб содрогалась земля. Она, казалось, стонала от боли и просила помощи у своих сыновей и дочерей. И как будто по ее зову, в ту ночь многие из нас были вызваны в штаб, чтобы получить боевое задание.

Наутро каждому предстоял свой путь. Взмолвленные люди больше уже не спали. Разговоры не вязались. Молчание становилось тягостным.

Только Люба была больше чем когда-нибудь весела.

— Костя! Неси баян. На прощанье танцевать будем.

— Все сюда!

Массовик Костя, еще не дойдя до собравшихся, заиграл знакомый мотив: «Как родная меня мать провожала...»

На смену одной песне приходила другая. Они звучали с нарастающей силой.

— Эй, Костя! «Яблочко!» — командовала Люба. — А ну, шире круг! Вася, Сережа, — выходи!

Стали подходить грузовики. С небольшим чемоданчиком, в наутюженном платье, со слегка подкрашенными губами Люба взобралась на машину.

— Товарищи! Не поминайте лихом!

А Костя, будто угадав ее мысли, уже заводил:

— «Этих дней не смолкнет слава...»

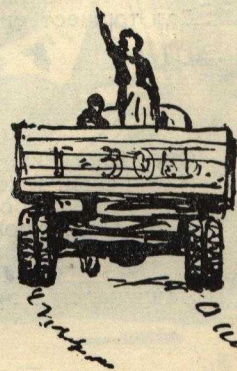
Машина тронулась.

— До свиданья, товарищи!

— До свиданья, Люба!

— До свиданья, все!

Так уходила на свои большие дела Любка-артистка, героиня «Молодой гвардии» Любовь Шевцова.



ПОДВИГ ДЖОНА БРАУНА

В октябре 1859 года американский городок Харперс-Ферри был захвачен Джоном Брауном. Харперс-Ферри — это штат Виргиния, страшный рабовладельческий юг.

Там звенит цепь рабства, и конец этой цепи тянется далеко за океан, в черную Африку, откуда привозят рабов. У негра — никаких надежд. Рабовладелец может застрелить его, как собаку.

В те дни никто и представить себе не мог, что грозные колонизаторы научатся удирать без оглядки, что через сто лет Африка восстанет, и появятся на карте свободные негритянские государства. Рабство нависло тучей. Ее не разогнать, она вот-вот ударит молнией в того, кто поднимет голову.

Одним из первых поднял голову Джон Браун. Он был человеком с белой кожей, но всю жизнь отстаивал права чернокожих братьев.

В Харперс-Ферри маленький отряд Брауна был окружен и разбит южанами. 2 декабря 1859 года Джон Браун был казнен.

Вот когда всколыхнулись Североамериканские штаты!

Карл Маркс писал: «Величайшее, по моему мнению, из происходящего сейчас в мире — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся смертью Джона Брауна, а с другой стороны — движение крепостных в России».

Началась война за освобождение черных рабов. Армии северян под командой президента Линкольна наголову разгромили плантаторов юга. Победоносно гремела песня: «Спит Джон Браун в земле сырой, но память о нем ведет нас в бой».

В эти прекрасные дни никто и подумать не мог, что и через сто лет все в Штатах останется таким же, как до освободительной войны. Правда, сейчас, в 1961 году, негров не продают на рынках. Но по-прежнему они работают на плантаторов и фабрикантов. И по-прежнему за равную работу получают много меньше белых.

А говорить о простых человеческих правах негров просто не приходится. Это очень выгодно — вбить клин между бедняками-белыми и бедняками-неграми. Те, кому выгодно, не жалеют для этого сил.

Летом нынешнего года группа молодых людей решила проехать на автобусе через всю страну. И при этом вести себя так, будто негры и в самом деле имеют все права свободных людей. Заходить в места, предназначенные только для белых или только для черных. Здороваться с неграми за руку. Дружить с ними.

Чем это кончилось? Дикой расправой. Горящим автобусом. Увечьями. Кровью.

Так расправились с последователями Джона Брауна в современных Штатах.

В ноябре 1859 года, когда Джон Браун, приговоренный к повешению, ждал казни, по всей стране ходило стихотворение неизвестного автора. Его переписывали, его читали с жадностью. Вот оно:

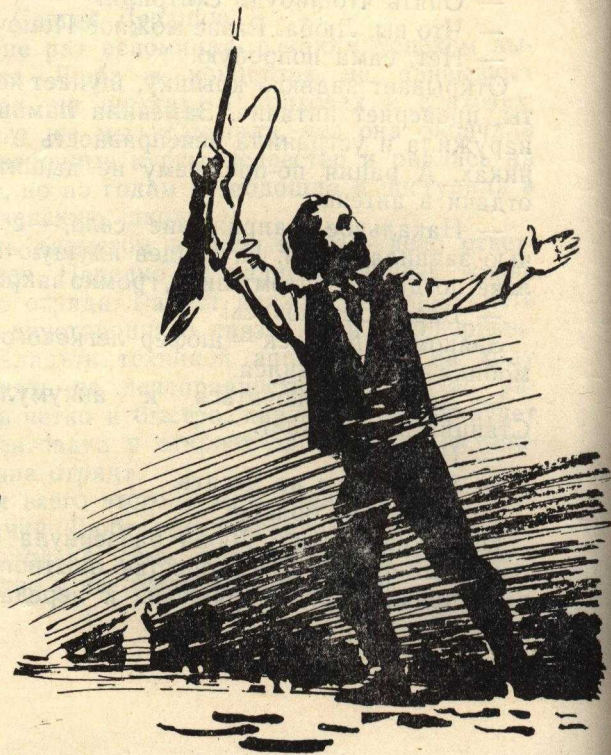
Яростные восходы

Старый Браун стоял за негров, воевал за их свободу.
Он южан-рабовладельцев разгонял, как воронье,
И торжественно поклялся грозному небосводу,
Что Америку избавит от проклятия ее.

Старый Браун,
Справедливый Браун
Дал торжественную клятву и забил заряд в ружье.

Он в Виргинию пробрался, где плантаторы, как звери,
На далекой тихой ферме спрятались маленький отряд.
Впятером, глубокой ночью, взял он город Харперс-Ферри,
И Виргиния дрожала — самый гордый южный штат.

Старый Браун,
Справедливый Браун
Защищался в арсенале, окружен полком солдат.



Но в открытом честном штурме было слишком много риска
И тогда послали в Ричморд за отрядом морякоз.
Прочитали им молитву, накачали крепким виски
И послали к арсеналу под прикрытием стрелкоз.
Старый Браун,
Справедливый Браун,
Получил четыре раны, отбиваясь от штыкоз.

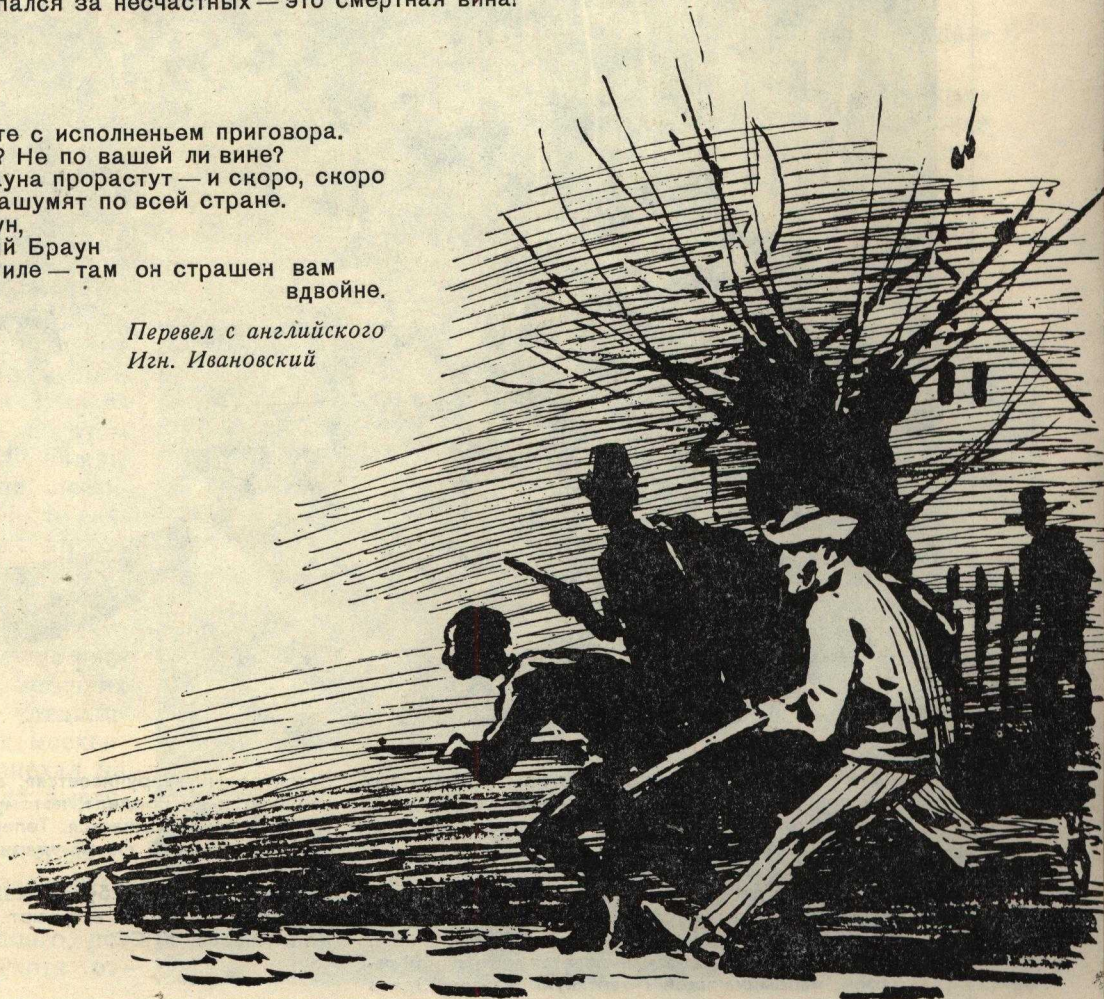
Телли-хо! На травлю зверя собрались рабозладельцы.
Разом хлынули в ворота, поливая путь свинцом.
Сколько славы! Сколько чести! Что за выгодное дельце!
Не успел убить живого — расправляйся с мертвецом.
Старый Браун,
Справедливый Браун,
Защищая тело сына, повалился вниз лицом.

Как на суд, сошлись южане, жаждой мщения сгорая,
Начинали ранним утром, продолжали дотемна,
Как, поднявшись на носилках, оправданья презирая,
Браун судил рабозладельцев — это знает вся страна.
Старый Браун,
Справедливый Браун
Заступался за несчастных — это смертная вина!

Но, виргинцы, не спешите с исполненьем приговора.
Отчего страдают негры? Не по вашей ли вине?
Капли крови Джона Брауна прорастут — и скоро, скоро
Эти яростные всходы зашумят по всей стране.
Старый Браун,
Справедливый Браун
Будет страшен и в могиле — там он страшен вам
вдвойне.

*Перевел с английского
Игн. Ивановский*

Рисунки В. Звонцова



ОКНО СЕМЬ- ЛЕТКИ



Эти стальные кольца привозят на строительство Братской ГЭС из далекого Ленинграда. Диаметр каждого кольца — семь метров. Сквозь него свободно может пройти пассажирский поезд.

Из таких «обручальных колечек», как их в шутку называют рабочие, монтируют и сваривают напорные водоводы — трубы, по которым устремятся к турбинам воды покоренной Ангары.

Напорный водовод заканчивается спиральной камерой, напоминающей гигантскую улитку. Здесь

поток воды «закручивается», а скорость его увеличивается до предела, потому что полость улитки постепенно сужается. Теперь вода готова работать — со всей силой ударить в лопасти турбины.

На Братской ГЭС будет двадцать напорных водоводов. Два из них вступают в строй к открытию XXII съезда КПСС.

Фото Н. Перка

ПРО ОЛЕГА, ЭДИКА И ВОСЬМИБОРЬЕ

М. Богуславский

Боролись три команды. Кому достанется большой фарфоровый кубок — школьникам Москвы, Ленинграда или РСФСР, — этого никак нельзя было сказать. То одна команда брала верх, то другая, то третья. Волновались тренеры, волновались участники, волновались зрители.

Олег и Эдик тоже волновались.

Правда, по Эдику незаметно было, чтобы он волновался. Другие ребята в ожидании своей очереди нервничают, бегают, дополнительно разминаются. А Эдик прыгнет, например, в высоту — и где-нибудь в сторонке читает книгу. Кажется, что соревнование насколько его не волнует. Но это только кажется. Эдик учится владеть собой.

Особенно любит Эдик метание копья. Это очень красивый вид легкой атлетики. Вот Эдик с тонким гибким древком в руке стоит на дорожке. Начинает разбег, всё ускоряя его, и на бегу медленно отводит руку назад. Рывок! Копье, разрезая воздух, взлетает, плавно парит в высоте и при этом чуть вздрагивает. Однажды Эдик метнул копье на шестьдесят два метра девяносто сантиметров и стал обладателем юношеского рекорда страны.

Олег тоже умеет держать себя на соревнованиях, но никто не видел его даже внешне равнодушным. Как-то на весенних каникулах, во время традиционных соревнований с москвичами, Олег с утра приехал на стадион «Динамо», где выступали метатели.

— Ты чего здесь? — спросили его. — Бегуны соревнуются вечером!

— Да я так, ненадолго, посмотрю и уйду, — нехотя от-

ветил Олег. И не уехал. Никакие силы не могли заставить его покинуть стадион, когда состязаются товарищи по команде. А вечером на Зимнем стадионе Олег сам вышел на старт и выиграл первое место.

Олег первым среди шестнадцатилетних ребят пробежал сто метров за одиннадцать секунд. До него рекорд держал известный ныне мастер спорта Эдвин Озолин. А в прыжках в длину Олег имеет первый взрослый разряд.

Так вот, именно Олегу и Эдику ленинградская команда доверила выступать в заключительном этапе соревнований — в восьмиборье.

Выстрел! Мгновенно ожила беговая дорожка. Шесть спортсменов стремительно преодолевают стометровку. Голубая майка начинает отделяться от соперников, и Олег первым касается финишной лен-

точки. Одиннадцать секунд. Хорошее начало!

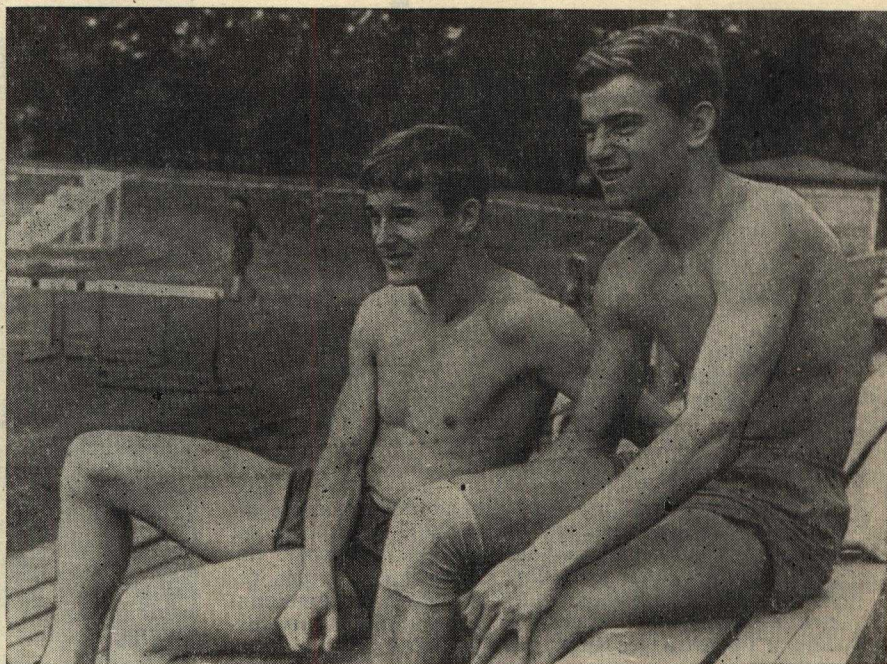
Но впереди еще прыжки в длину, метание диска, прыжки в высоту, барьерный бег, прыжки с шестом, метание копья, бег на восемьсот метров. Только опытный волевой спортсмен способен выдержать такое испытание.

После шести видов победа Олега казалась решенной. Он шел лучше, чем основные противники — Борис Лобанов из команды Москвы и Николай Плотников из команды РСФСР. Вплотную к лидерам держался Эдик.

И вот произошло неожиданное.

Олег метал копье. В каком-то движении он ошибся. Копье упало плашмя, не вонзилось, и судьи не засчитали результат.

Олег заволновался. А волнение — плохой помощник.



Олег хочет метнуть за пятьдесят метров, а копье не пролетает и сорока. И снова падает плашмя.

Третья попытка. Поникли головы, приуныли ребята. Страшно смотреть, как в последний раз полетит копье. Если оно не вонзится, всей команде нечего и думать о победе.

Олег начинает разбег.

Нет, он метнул нехорошо. Как говорят тренеры, не в лучшем стиле. Наконечник копья задрался вверх, но в последний момент, когда казалось, что всё уже потеряно, ребята так и подпрыгнули на скамейках. Копье торчало в земле!

Пронесся вздох облегчения. Командные дела поправились.

А вот Олегу первого места уже не видать. Но он и так рад, что не подвел команду. Он бежит к Эдику. Короткий горячий разговор:

— Давай, давай, метай копье как следует. А главное, восемьсот метров пробеги лучше. Так, как никогда не бегал.

— Да я понимаю, Олег, буду стараться.

И Эдик принял эстафету товарища. Он не сказал, что его правая рука отчаянно ноет в локте, и только поэтому копье летит всего на сорок четыре метра. Восемьсот метров Эдик

бежал размашисто, смело, — он и в самом деле никогда так не бегал эту дистанцию. А Олег, уставший после только что законченного восьмиборья, кричал вместе со всем стадионом: «Э-дик! Э-дик!»

Вот и весь рассказ. Соревнование в восьмиборье выиграл Эдик Целищев, воспитанник детской спортивной школы города Пушкина, что под Ленинградом. А Олег Александров, воспитанник спортшколы Дзержинского района, хоть и уступил личное первенство, напряженно боролся за победу ленинградской команды. Боролись все. И команда победила.

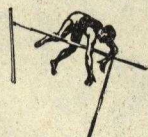
ТВОИ СТАРШИЕ БРАТЯ

Юрий Солнцев из Минска пробежал 100 метров за 10,6 секунды.



Николай Добрывечер из Ленинграда метнул молот на 57 метров 55 сантиметров.

Игорь Тер-Ованесян из Львова прыгнул в длину на 774 сантиметра.



Сергей Демин из Москвы прыгнул с шестом на 440 сантиметров.

Эльвира Озолина из Ленинграда метнула копье на 51 метр 55 сантиметров.



Трудно поверить, что эти достижения принадлежат ребятам шестнадцати-восемнадцати лет. Взять хотя бы юношеский рекорд страны по прыжкам в высоту. Валерий Брумель преодолел 220 сантиметров, а ведь четыре года назад высота в 216 сантиметров, завоеванная ленинградцем Юрием Степановым, была всесоюзным и мировым рекордом для взрослых!

А ленинградская школьница Людя Мочилина, прыгнув в высоту на 167 сантиметров, побил сразу два рекорда: юношеский и взрослый.

Около сорока лет назад в спортивном мире громче всех звучало имя финского бегуна Пааво Нурми. У этого замечательного атлета почти не было соперников. Нурми выбегал на дорожку стадиона с секундомером в руке, словно подчеркивая, что борется только со временем. Прославленному спортсмену при жизни воздвигли на его родине памятник.

У Нурми есть сын. Он тоже увлекается бегом и показывает результаты значительно выше отца. И что же? Они никого не удивляют. Спорт шагнул далеко вперед. Секунды, которые прежде приносили мировую славу, давно перестали быть «золотыми».

В чем же секрет? Почему так бурно растут рекорды?

На помощь любителям спорта пришли ученые, тренеры, врачи. Разработаны новые, совершенные способы подготовки спортсменов. На учете каждый сантиметр, каждая десятая доля секунды, каждый шаг разбега перед прыжком.

Но дело не только в этом. Таблицы рекордов говорят о том, что теперь спортивные бастии штурмуют не одиночки, а целая армия спортсменов, сразу во всех концах страны. Еще недавно в Советском Союзе насчитывалось 25 миллионов физкультурников. Скоро это число возрастет вдвое.

Конечно, массовость спорта сама по себе не принесет рекордов. Но можно с уверенностью сказать, что без этой массовости невозможен генеральный штурм мировых рекордов.

Коммунистическая партия поставила перед советскими спортсменами ответственную задачу — в ближайшие годы овладеть всеми основными мировыми рекордами. Спортивная армия готова к штурму. В этой армии не в последнем ряду стоят ребята.

Начинающим физкультурникам цифры всесоюзных достижений могут показаться недостижимыми. Но нужно помнить одно: путь к спортивным вершинам начинается с тех соревнований, где приз — значок «Юный спортсмен».

Ю. Коршак

СЕСТРЕНКА



БРАТ

Таня Михайлова, 3 кл.



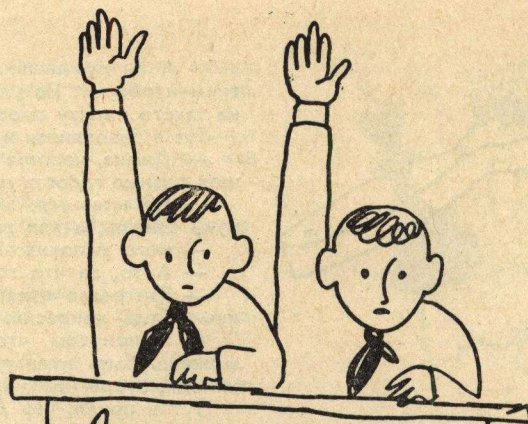
ОЛЕНЕНОК

Володя Евстафьев, 6 кл.

РЕБЯТА!

Скоро в издательстве «Молодая Гвардия» выйдет книжка про первую пионерскую ступеньку. И есть в этой книге дневник одного пионера. Зовут его Алеша, а фамилии его я не знаю: этот дневник мне в руки случайно попал. Мальчик Алеша рассказывает, каким он был неумелым и чему он научился, одолев первую пионерскую ступеньку. Я в этом дневнике ничего не менял, только запятые расставил и переслал в издательство. А часть страниц я посылаю в журнал «Костер». И если кто-нибудь из вас знает этого мальчика Алешу — сообщите мне, пожалуйста, его фамилию и адрес.

Геннадий Мамлин



Страницы из Алешинного дневника

Рисунки М. Беломлинского и Г. Ковенчука

Сегодня на сборе звена Люся поставила вопрос о культуре поведения. Это, оказывается, о том, как должен вести себя человек в обществе, на улице и дома. И мы вынесли постановление — заняться своим перевоспитанием, чтобы про нашу культуру поведения никто ничего плохого не мог сказать.

Я думал, что можно воспитывать себя постепенно — год, два, а то и три, — но оказалось, ничего подобного.

Часов в пять я вернулся с улицы домой и смотрю у меня сидит Дима. — Здравствуй, — говорю я ему, — чего это ты сидишь на стуле, будто аршин проглотил?

А он мне говорит:

— А чего ж мне, обязательно развалившись сидеть? Может, мне еще и ноги на стол положить?

— Нет, Дима, — отвечаю я ему, — ноги на стол не клади: мы не в Америке, а в Советском Союзе живем, и потом мама не любит, когда на столе лишние предметы лежат. И чего это ты так уставился на меня? Может, я чужое пальто на вешалке надел?

— А ты вот подойди-ка к зеркалу да на себя погляди, — говорит мне Дима, встает и зажигает свет, чтобы мне было виднее.

Я посмотрел в зеркало и вижу, все в порядке. И пальто мое — я его по оторванной пуговице узнаю, и шапка моя, и все во мне, как всегда, обычно.

— Да нет, — говорит Дима, — ты на себя не так, ты на себя внимательно погляди. Вон шапка на тебе надета — одно ухо вверх торчит, другое — вниз. А на ботинки свои погляди! Можно подумать, что ты целый час глину месил, войти не успел, а уже всю комнату заследил. И потом что это за пятно у тебя на лбу?

Я очень удивился.

— Чего это ты, — говорю, — к моей одежде придраться решил? И ты что, не знаешь, отчего пятна бывают на лбу? Я бегал сейчас, вспотел, ну и вытер потный лоб рукой.

— Ага, — обрадовался Дима, — значит, это у тебя руки такие, что ими до чистого места дотрагиваться нельзя. Ну, а нос у тебя, что, тоже вспотел? На носу-то у тебя тоже пятно.

— Да что же мне, нос что ли вытереть нельзя?

— Можно. Только не рукой, а носовым платком. Платок-то у тебя есть?

— А как же! Только он далеко в кармане лежит, не станешь же из-за пустяка за ним лезть.

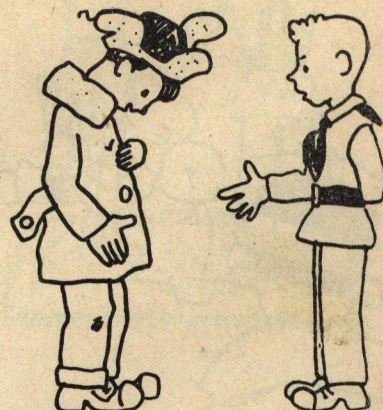
Тогда Дима становится у зеркала рядом со мной и говорит:

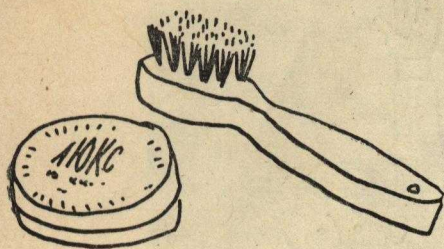
— Ты посмотри на себя и посмотри на меня.

— Ну и что?

— А то, что на меня приятно посмотреть — сразу видно, какой аккуратный человек, а рядом с тобою неприятно даже перед зеркалом стоять.

— Да ты что, рехнулся что ли! Ты же дома сидел, а я с улицы пришел.





— А ты думаешь, на улице человек аккуратным не должен быть? Нет, совсем наоборот. На улице ходят посторонние люди, и им может быть противно на такого неряху смотреть.

Тут я разозлился и говорю:

— Димка, честное слово, я тебя сейчас по затылку стукну. Чего это ты пришел разные гадости мне говорить?

— Не нравится, значит? — спрашивает он. — Как голосовать, так ты первый руку тянешь, а как выполнять, так ты всех по затылкам стучать готов.

— Чего выполнять? — удивился я.

— А то, за что голосовал. Правила культурного поведения.

— Так разве я на пол плюю? Или мусору в общественных местах? Или какие-нибудь некрасивые слова произношу? А?! Пальто-то мое при чем?

— А при том, что культура поведения начинается с опрятности. Разве ты можешь быть культурным человеком, если у тебя на пальто пуговицы нет и хлястик оторван?

Тут я понял, что Дима, конечно, прав, но эта его правота еще больше разозлила меня:

— А ты кто такой, — говорю я, — чтобы меня культурному поведению учить? Тебя кто выбирал нравоучения мне читать?

— А никто меня не выбирал. Если бы у меня были ногти грязные и пятна на лице, тогда не я тебе, а ты бы мне нравоучения читал.

— Ладно, — говорю, — понятно. Если ты специально за этим сюда пришел, то катись к себе домой.

— А ты чего раскричался тут? — спрашивает Дима. — Я совсем не за этим сюда пришел. Это у меня просто так, к слову. А пришел я потому, что билет в кино тебе принес.

— Ага, — говорю я, — вот это другой разговор, — сразу бы так и сказал. Пошли быстрее. Это же глупо — из-за какой-то оторванной пуговицы опаздывать в кино.

— Нет, — говорит Дима, — в кино я с тобой не пойду, пока ты ботинки не почишишь, лицо не умоешь и пуговицу не пришьешь.

— Ой, Димка, — говорю я, — сейчас я и вправду тебе по затылку дам. Ты же сам позавчера с оторванной пуговицей в кино ходил.

— Так то позавчера! А сегодня мы постановили перевоспитывать себя. Давай-давай, не тяни, делом займись. У тебя еще целых сорок минут до начала сеанса есть.

Вижу, что если я эту дурацкую пуговицу не пришью, не попасть мне в кино. Ну и пришлось мне культурой своего поведения заниматься, не откладывая, прямо с сегодняшнего дня. А тут еще приходит с работы мама и говорит:

— Алеша, опять ты постель свою не застелил.

Я отвечаю:

— Я хотел после улицы застелить, да видишь, вот, Дима пришел и заставил меня ботинки чистить. Мы сегодня на сборе постановили заняться своим культурным поведением.

— Очень хорошо постановили, — говорит мама. — Только разве убрать за собой постель не входит в обязанности культурного человека?

— А разве и это входит? — упавшим голосом спрашиваю я.

— Конечно. Встать, умыться, постель застелить — с этого и должен начинать день каждый культурный человек.

— Ладно, мама, — говорю, — раз выходит, за это я тоже голосовал, сейчас мигом ее застелю.

А в кино мы все-таки опоздали. Пришлось весь журнал в коридоре простоять.

Позавчера, когда мы шли из школы, Димка сказал:

— Приходи ко мне в пятнадцать ноль-ноль.

И вот я к нему пришел и вижу, что он с «Приключениями Капитана Врунгеля» на диване лежит. Он даже головы не повернул, а молча показал мне рукой сперва на часы, потом на стул. На часах было без пяти три. Я сел и сижу. Димка молчит, и я молчу. Он на меня не смотрит. Он смотрит на обложку книги, на ту самую, где, кроме цены, не написано ничего.

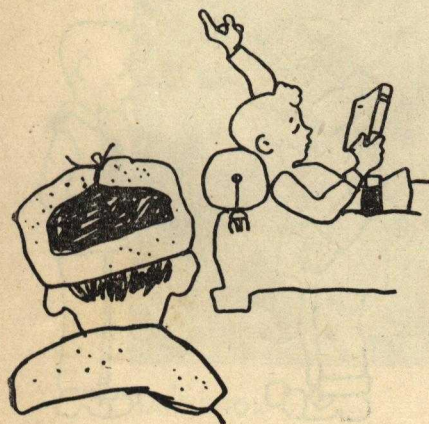
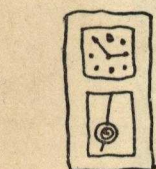
— Димка, может, ты заболел, — говорю я, — может, доктора к тебе позвать?

А он головой покачал и продолжает лежать, уставившись на обложку книги. Так он лежал, пока часы не пробили три. Тогда он вскочил, отбросил книжку и говорит:

— Ну вот, а теперь можем с тобой поговорить. У меня целых два часа на дружбу с тобой отведено.

— Ага, — догадался я, — это выходит, ты решил по расписанию жить, режим дня соблюдать. Здорово! Мы только сегодня об этом на сборе говорили, а ты уж, небось, и расписание составил себе.

— Вот гляди, — с гордостью сказал Дима, протягивая мне лист, вырванный



из тетради. — «Встреча с друзьями — с пятнадцати до семнадцати ноль ноль».

— А если я до семнадцати ноль пять от тебя не уйду, ты на меня что, собаку натравишь, так что ли это твое расписание понимать?

— Скажешь тоже! С семнадцати ноль-ноль я один час двадцать пять минут буду маме по хозяйству помогать. Хочешь уходи, а хочешь сиди и смотри, как я буду пол влажным веником подметать.

— Ясно. А чего это ты целых пять минут пустую обложку читал?

— А это потому, что у меня чтение художественной литературы до пятнадцати ноль-ноль, а я книгу к без десяти три успел прочитать.

— А уроки сделал уже?

— В четырнадцать ноль-ноль из-за стола встал. Понимаешь, Алеша, режим дня — это замечательная вещь. Если я буду по расписанию жить, то меня скоро из троечников в лучшие ученики переведут.

— Ладно, — говорю, — желаю успеха.

— Спасибо, — отвечает Дима, — а теперь давай придумаем чего-нибудь интересенькое.

— Правильно, — говорю, — чего время терять, если у нас на дружбу осталось всего один час пятьдесят пять минут.

Мы сели играть в шахматы, но я ему проиграл: я все на часы смотрел, боялся, как бы мне лишнюю минутку не пересидеть.

Это было позавчера. А вчера Дима по арифметике получил двойку.

— Как же это получается, — спрашиваю я, — выходит, и расписание тебе не помогло?

— Ничего, Алеша, — отвечает он, — это просто я еще к нему не привык. Я, понимаешь, до четырнадцати ноль-ноль из трех только одну задачку решить успел.

— Ничего себе, — говорю, — выходит ты задачки бросил и уселся книжку читать?

— Ну да. Расписание люди для чего составляют? Для того, чтобы его выполнять? Давай, Алеша, будем с тобой по одинаковому расписанию жить.

— Нет, — говорю я, — охота была двойки получать.

— Ничего, привыкнем. Вот, например, у меня зарядка полчаса по утрам. Можем и зарядку вместе делать. Вместе веселей.

— Как же мы будем вместе ее делать, если ты от меня через три дома живешь?

— Не беда, — говорит Дима, — я к тебе завтра утром домой приду. У меня теперь подъем в семь ноль-ноль...

Сегодня утром меня разбудил звонок. Я посмотрел на часы: семь часов пятнадцать минут. «Вот, — думаю, — что с человеком расписание сделало, раньше я никогда за Димой такой точности не замечал».

Я побежал в коридор и открыл дверь. В одной руке у Димы был портфель, а в другой веревка. Веревка была перекинута через плечо, и там на ней было привязано что-то тяжелое. Чтобы оно не опрокинуло Диму назад, ему пришлось согнуться, и он был похож на маленького старичка.

— Ты тише, — говорю я, — у меня мама в ночную смену работала, теперь спит.

Я повел Диму на кухню и спрашиваю:

— Чего это у тебя за спиной на веревке висит?

— Гантели. Папа в командировку уехал, так мы его гантелями можем свои руки целых три недели развивать.

На кухне Дима хотел опустить гантели на пол, но веревка выскользнула у него из рук. Гантели с такой силой шлепнулись на пол, что было просто удивительно, как это они не пробили два этажа.

— Ты что, — говорю я, — с такими гантелями в цирке выступать! В одной такой штуке не меньше пуда, небось.

— Ничего, — говорит Дима, — мы будем, как штангу, двумя руками выжимать.

Димка снял с себя курточку, рубашку и майку.

— Чего стоишь? Окошко открывай!

— Да ты, Димка, что! Кто же зимой окошко открывает? Для зимы в окошке форточка есть.

— Много ты из форточки надышишь! Если уж делать зарядку, то не как-нибудь, а всерьез.

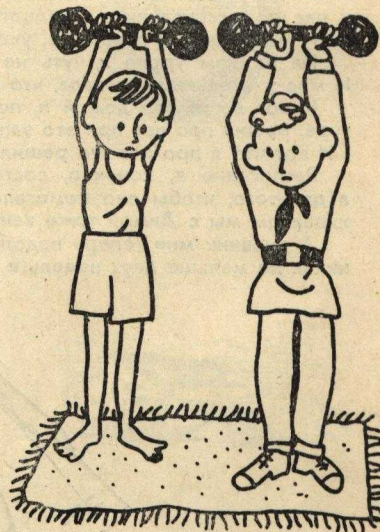
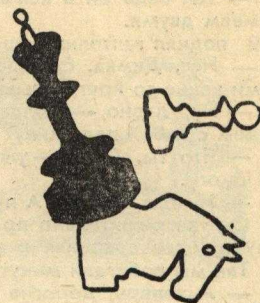
Мы встали у раскрытого окна, и я двумя руками, кряхтя, поднял гантели над собой.

— Ой, Димка, — говорю, — если такая штукovina по голове стукнет, так не обрадуешься! Сколько же раз надо ее поднимать?

— Пятьдесят, — кряхтя, отвечает Димка. — Это у моего папы норма такая — пятьдесят.

У меня от этой цифры глаза полезли на лоб, и я говорю:

— Что же ты хочешь своего папу с нами равнять! Мы же еще дети.



— Так ведь он в каждой руке держит по одной, а мы одну гантелину поднимаем двумя.

Я поднял гантелину еще шесть раз и говорю:

— Нет, Димка, больше не могу. У меня уже колени дрожат и перед глазами какие-то круги плывут.

— Ну, ладно, — согласился Дима, — для первого раза сойдет. Теперь мы будем с тобой пять минут на месте бежать.

— Что ты, Дима, — ужаснулся я, — я не то что бежать, я и ползать сейчас не смогу.

— Ничего, Алеша. А ну, на месте, бегом, шагом марш!

Он так решительно произнес эту свою дурацкую команду, что я подчинился ему и, едва сохраняя равновесие, начал перебирать на месте ногами.

Так мы побегали минут пять, и Дима говорит:

— А теперь, дорогие товарищи, переходите к водным процедурам.

Я думал, он хочет, чтобы мы пошли и умылись, но Дима пустил в ванной холодный душ и говорит:

— Давай, раздевайся и закаляйся, как сталь.

— Да ты что! — возмутился я. — Ты чего тут разные слова из песен говоришь! Стали хорошо, у стали нервной системы нет. А человеческие нервы разве могут выдерживать в такой воде?

— Эх ты, — говорит Дима, — трус! Зря я связался с тобой. Холодное обливание, знаешь, как твою систему укрепит. После такого душа ни разу в жизни не чихнешь. Полезешь под душ или нет?

— Ты гость, — говорю я, — ты первый и лезь.

— Я-то полезу, — говорит Дима, — я хочу, чтобы ты самому себе доказал, что ты не трус.

— Ладно, — вздохнув, сказал я, — могу и доказать.

Я разделся и встал на край ванны.

— Главное, — говорит Дима, — это не раздумывать. Ты давай отвернись, а я тебя будто нечаянно подтолкну.

Дима, наверное, решил, что я согласен обманывать самого себя, и не дожидаясь, чтобы я отвернулся, он толкнул меня под душ. Мне показалось, что меня облили горящим керосином. Я сиганул куда-то в сторону, ударился головой о корыто, и оно с грохотом полетело на цементный пол.

Только-только я успел натянуть штаны, как в ванную вбежали соседи и мама. Соседи увидели, что это не землетрясение, а корыто, и ушли досыпать. А я говорю:

— Ты, мама, из ванной уходи. Сейчас Дима будет ледяной душ принимать.

Но Диме почему-то уже расхотелось закалять свою нервную систему. Он сказал, что мы и так затаили зарядку и как бы нам в школу не опоздать.

— Сейчас, Димочка, — сказала мама, — я и тебе завтрак соображу. Я не думала, что ты к нам в такую рань придешь, и еще с вечера Алеше завтрак приготовила на одного.

Но Дима достал из кармана свое расписание и говорит:

— Нет, Татьяна Алексеевна, позавтракать нам сегодня не удастся. Сейчас у нас по расписанию пятнадцатиминутная прогулка до школы.

И мы с Димой, голодные, ушли из дому.

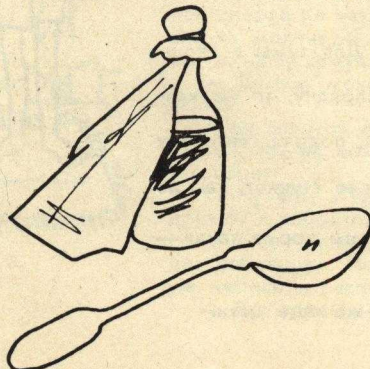
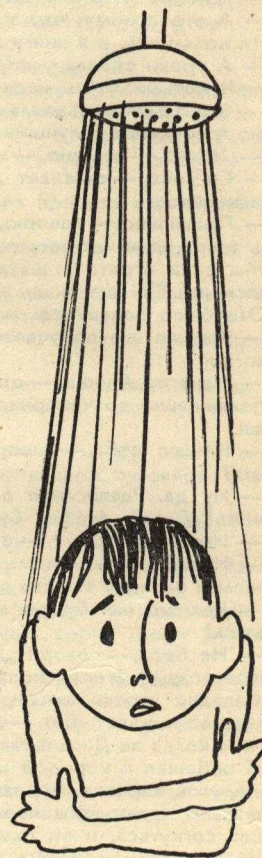
На первом уроке я чуть не уснул, на втором у меня разболелась голова. И мне учительница сказала, что я могу идти домой.

И вот я пришел домой и, пока еще у меня не поднялась высокая температура, решил про все про это записать в дневник.

И вот что я про все это решил.

Расписание я, конечно, составлю, но не для того, чтобы с ним мучиться, а для того, чтобы оно помогало мне учиться и отдыхать. И зарядкой, и закаливанием мы с Димой тоже заниматься должны. Но, конечно, не так, а с умом.

А дневник мне теперь надолго придется отложить. Я если уж заболеваю, то никак не меньше двух недель в постели лежу.



Чтобы выполнить программу только одного 1965 года, электростанциям, которые были в дореволюционной России, потребовалось бы работать... 250 лет.

* *

Сейчас СССР дает четвертую часть мирового производства тракторов.

* *

В настоящее время страна получает промышленной продукции за 9 дней столько, сколько дореволюционная Россия давала за год.

* *

Из того количества топлива, которое дадут шахты в конце семилетки, можно было бы сложить 170 пирамид Хеопса.

* *

Если всю сваренную в 1965 году сталь разделить на население нашей страны, то на каждого человека придется по полтоины.

* *

Каждую минуту в семилетке в среднем строится четыре квартиры.

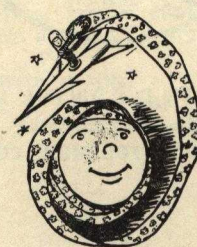
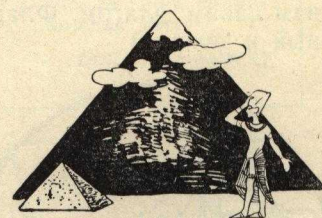
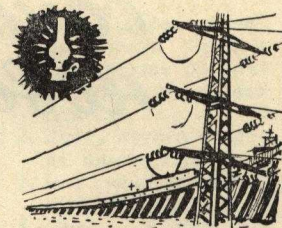
* *

В 1965 году будет выпущено столько тканей, что их хватило бы, чтобы «опоясать» Луну... 800 раз.

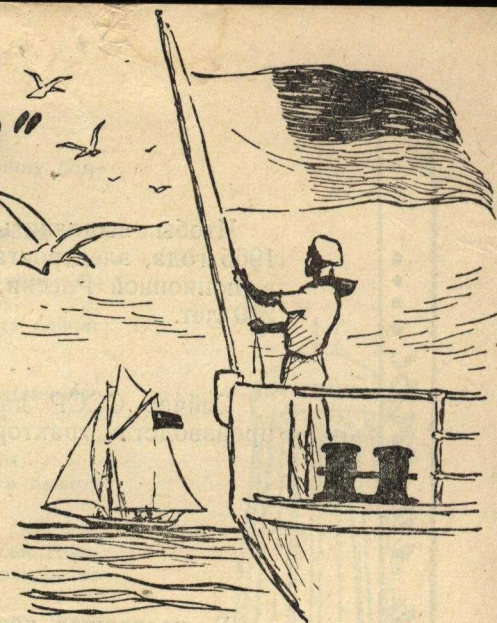
* *

В конце семилетки будет произведено столько молока, сколько могла бы вместить река шириной с приток Волги — Оку.

* *



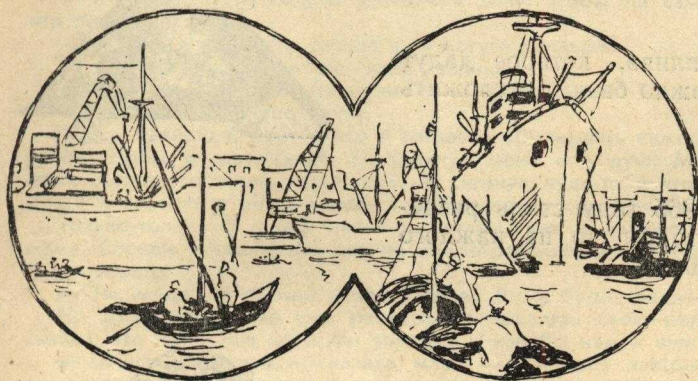
Яхта „Костёр“ обнаруживает новый порт



Здравствуйте, дорогие товарищи!

Ну, и досталось нам у мыса Доброй Надежды! Не обманул Нептун. Еще и сейчас не можем наладить работу радиостанции.

Индийский океан по сравнению с Атлантикой — смирный. Прошли огромный гористый остров. В этом районе встретили судно. Оно отсалютовало нам своим флагом. Флаг трехцветный: белый, красный и зеленый.



Вошли в Красное море. Жарко, как в кочегарке. Дождей нет. Берега унылые: кругом песок да песок. Вода горькая, солонущая. Я сделал открытие,

которое поразило меня, как гром. Больше четверти века плаваю по всем морям и океанам и вдруг вижу незнакомый мне порт. Да где! В Красном море, в котором я бывал десятки раз. Через несколько дней в местной газете мы прочли статью о том, как строился этот порт, и узнали, что строителям пришлось прорыть в мелководной лагуне почти десятикилометровый канал.

В Красном море мы познакомились с известным немецким исследователем и ныряльщиком Гансом Хассом. Он плыл верхом на гигантской акуле, обхватив руками плавник. Ганс Хасс отпустил свою акулу и поднялся на борт яхты — отдохнуть.

В порту Суэц мы подняли флаг с вертикальными желто-голубыми полосами.





ПРИКАЗ № 10 ПО МОРСКОМУ КЛУБУ „КОСТРА“

Всем юнморам срочно ответить на вопросы:

- § 1. Как называется новый порт? Какому государству он принадлежит и кто его строил?
- § 2. Вдоль какого острова плыла яхта?
- § 3. Чье судно встретила яхта в океане?
- § 4. Почему в Красном море особенно соленая вода?
- § 5. На какой акуле плыл Ганс Хасс?
- § 6. Каким путем попала яхта из Красного моря в Средиземное?
- § 7. Что за гость сопровождал яхту?

Боцман Румпель

К нам прибыл гость. Он сопровождал яхту до самого выхода в Средиземное море.

Спешу окончить письмо. Есть оказия, чтоб его отправить.

Привет всем юнморам.

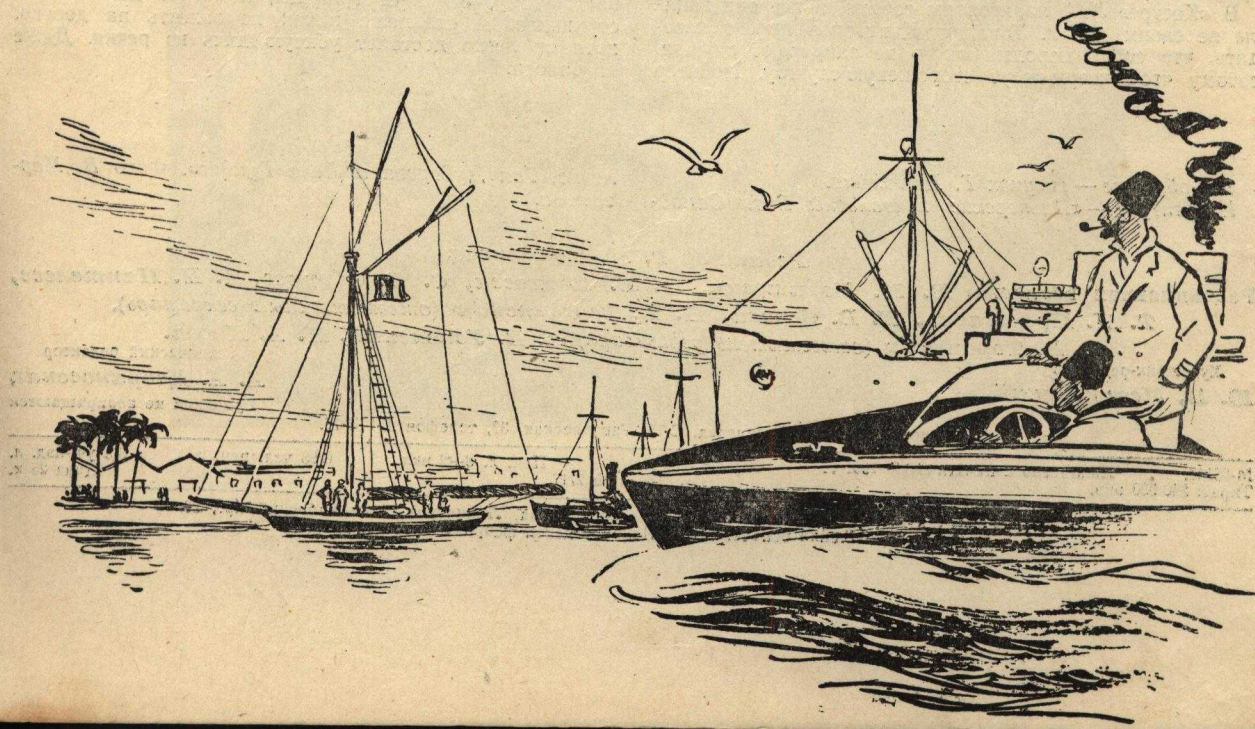
*Порт-Саид
1.10.61.*

Капитан

ОТВЕТЫ БОЦМАНА РУМПЕЛЯ

(вопросы в «Костре» № 8)

1. Солнце нередко вызывает внезапные изменения силы магнитного поля Земли. Они нарушают работу компаса. Ученые называют эти явления магнитными бурями. В такую бурю попала яхта «Костер».
2. Летучие рыбы выскакивают из воды, чтобы спастись от преследования морских хищников.
3. Яхта шла курсом зюйд.
4. Полярную звезду легко найти по созвездию Большой Медведицы.
5. Созвездие Большой Медведицы образуют не только семь звезд привычного нашему взору ковша, а еще и сотни других. Чтобы обозначить границы созвездия, древние астрономы обвели его на своих картах контуром медведицы.
6. В незначительных количествах морскую воду пить можно.
7. Рисунок Васи Чижова со спрутом — фантазия. А на другом рисунке изображен действительный случай. В 1820 году гигантский кашалот напал на трехмачтовый китобой «Эссекс» (США) и разбил его корпус.



ДВА ФЕОДАЛА

Володя книгу старую листал
И злого феодала осуждал.

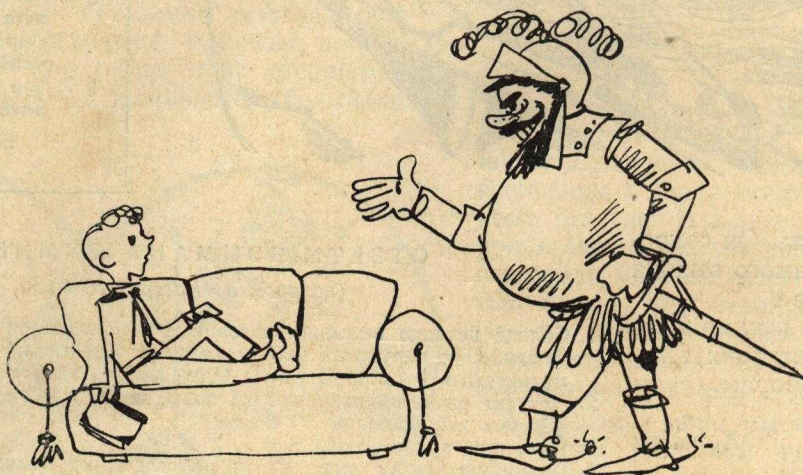
И вдруг произошел скандал.
Верней—случилось чудо:
Пришел к Володе феодал
Неведомо откуда.
С порога крикнул:
— Здравствуй, брат!
Тебя прижать я к сердцу рад!
— Нет, я не брат вам, я другой —
Ношу я галстук алый...
Но феодал махнул рукой:
— Мы оба феодалы!

Стелить постель? Холопский труд!
Нам это не пристало.
Постели слуги уберут.
— Но у меня нет вовсе слуг!
— А бабушка, любезный друг?
Открыть мы не успеем глаз —
Камзолы нам несут тотчас.
— Да я камзола не ношу!
— Костюм, прощения прошу...
Завидев мусор на полу,
Кричим слуге: „Неси метлу!“
— А в нашем доме пылесос.
— Но ведь не ты его принес?

Люблю на слуг своих орать:
„Скорей! Живей! Подать! Убрать!“
Кричу на них; ну прямо,
Как ты кричишь на маму.
Беру оброк я с крепостных,
Как за пятерки ты с родных...

Володя слушал и страдал,
Пришлось Володе плохо.
Тут, улынувшись, феодал
Ушел в свою эпоху.

Эпоха феодальная —
История скандальная...



Ответы на головоломки

В «Костре» № 6 на фотографии — крючок и кнопки, которые пришивают на одежду. Ответы на вопросы-шутки: шахматный слон, опушка рукава, пролив Маточкин Шар, ткацкий челнок, электрический патрон, крыло самолета, кошка-якорь.

В «Костре» № 8 нарисованы собаки, и все они заняты не своим делом. Товарищ Капитонов просит передать, что собак породы боксер не запрягают в сани, потому что боксеры несут сторожевую службу. Пойнтер

охотничья собака, нечего ей овец охранять. Борзая не станет раскапывать нору, а лучше догонит зайца. Гончая преследует волка, а стоек по бекасам не делает. Водолаза не водят на поводочке, он спасает утопающих. Овчарка не «служит» на задних лапах, а служит настоящему, охраняет границы, помогает ловить преступников. А спаниелю никак не залезть на дерево, хотя он легко достанет убитую дичь из речки. Даже из болота.

На обложке — рисунок Г. Праксейна.

На титуле — «Пионерские почтальоны Витя Самой-

ленко, Тая Дударева и Лена Вундер». Фото В. Мартынова.

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Тереховская (ответственный секретарь),

В. В. Торопыгин (заместитель редактора) Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор

А. А. Двораковская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон А-457-76.

М-65144.
Тираж 240 000 экз.

Подписано к печати 11/IX 1961 г.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 2717.

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вкладыш отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.



ЧЕРНОМОР

Света Ильина, 5 кл.



В ПОРТУ

Саши
Батист, 6 кл.